

Д.В. Щедровицкий

СДВИНУТЫЙ СВЕТИЛЬНИК

Переосмысление ключевых
евангельских событий

Москва
Теревинф
2021

УДК 27
ББК 86.37 3,81
Щ36

Щедровицкий Дмитрий Владимирович

Щ36 Сдвинутый светильник. Переосмысление ключевых евангельских событий / Д. В. Щедровицкий. – М. : Теревинф, 2021. – 224 с. – ISBN 978-5-4212-0636-1.

«Непорочное зачатие» – зафиксированный в Библии факт или результат ее неверного прочтения? Действительно ли Иуда Искарот был предателем и отступником? В какой день недели воскрес Иисус – согласно Евангелию и вере первых христиан? На эти острые вопросы дает неожиданные ответы известный отечественный теолог-библеист.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4212-0636-1

© Д. В. Щедровицкий, 2021
© Оформление «Теревинф», 2021

А если не так, скоро приду к тебе
и сдвину светильник твой с места его...

Откровение Иоанна 2, 5

«Не Иосифов ли
это сын?..»

Вступление

Наше исследование посвящено тому пониманию родословия Иисуса, которое бытовало в среде первых его последователей. Это понимание разительно отличалось от позднейшей («посленикейской») догматики, к которой восходят теория и практика почти всех современных христианских конфессий. Как известно, традиционное толкование первой главы Евангелия от Матфея легло в основу вероучения о богочеловеческой природе Иисуса, которое подробнейшим образом разрабатывалось, обсуждалось, оттачивалось на последующих Вселенских соборах. Именно содержание этой главы было также и основным пунктом разногласий между христианскими и иудейскими участниками средневековых религиозных диспутов.

Наша цель – всмотреться повнимательнее в те интерпретации евангельского текста, которые предлагались христианами в самый первый период существования Церкви как таковой.

Часть 1

Рождение Иисуса согласно евангелиям

Неожиданная находка

В 1892 году две сестры – благородные дамы из Кембриджа, путешественницы, знатоки древних языков и искательницы рукописных сокровищ – Агнес Смит Льюис и Маргарет Данлоп Гибсон обнаружили в монастыре Св. Екатерины на Синае раннюю рукопись Четверо-евангелия на арамейском языке. Исследователи относят эту рукопись к IV веку. В отличие от общеизвестного греческого текста, найденный манускрипт содержит необычный вариант стиха Матф. 1, 16:

...Иосиф, с которым была обручена дева Мария, родил Иисуса, называемого Христом.

Сравним с текстом каноническим:

...Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос. (*Матф. 1, 16*)

Таким образом, найденный пергамент содержит однозначное утверждение о том, что Иосиф является физическим отцом Иисуса Христа! Немудрено, что Агнес Смит Льюис, которая продолжила изучение рукописи, прочитав приведенный вариант стиха, была необычайно изумлена и даже крайне огорчена тем, что нашла такой «источник ереси», ведь она была глубоко верующей христианкой, прихожанкой Англиканской церкви.

Сведения о вновь найденном тексте широко распространились в печати, им занялись специалисты. Дело в том, что этот текст мог оказаться ближе к семитскому (древнееврейскому или арамейскому) оригиналу, нежели греческий перевод. Следует иметь в виду и возраст рассматриваемого манускрипта: он является одним из древнейших среди сохранившихся новозаветных рукописей.

Через некоторое время сама Агнес Смит Льюис присоединилась к мнению тех исследователей, которые предложили понимать приведенный вариант стиха в русле сложившейся церковной традиции – как указание не на физическое отцовство Иосифа, а на «отцовство духовное». Эта точка зрения подразумевает наследование Иисусом всей предыдущей библейской истории благодаря символической генеалогии, связывающей его с Иосифом. Приняв упомянутую точку зрения,

благородная дама-первооткрывательница манускрипта успокоилась, восстановив душевное равновесие. Ведь дальнейший текст Евангелия в данной рукописи, как и во всех традиционных текстах, гласил:

Рождество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*)

Казалось бы, общепринятое понимание текста Матф. 1, 16 и в нашем манускрипте полностью подтверждается приведенным стихом. Однако же именно то, что «успокоило совесть» глубоко верующей англичанки, вызывает неизбежный вопрос у непредубежденного исследователя – как же могли и переписчик текста, и его читатели совмещать в своем сознании два взаимно противоречивых утверждения? –

1. Физическим отцом Иисуса был Иосиф (Матф. 1, 16).
2. Иисус был рожден от Святого Духа (Матф. 1, 18).

Ответу на этот вопрос мы и посвятим дальнейшее исследование.

Праведность Иосифа

Одно из традиционно принятых именовании Иосифа, мужа Марии, – Иосиф Праведный. Ведь после сообщения

...Оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*),

текст Евангелия продолжается так:

Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее. (*Матф. 1, 19*)

Попытаемся понять связь и смысл событий. В чем состояла праведность Иосифа? Греческое слово *δικαιος* <*ди́кайос*> – перевод древнееврейского *צַדִּיק* <*цад́ик*>, «праведник», и обычно обозначает человека, полностью соблюдающего заповеди Закона Божьего (Торы). В данном случае, при обнаружении «незаконной беременности» обрученной ему женщины, Иосиф должен был бы поступить согласно следующей заповеди:

Если будет молодая девица обручена мужу и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею,

То обоих их приведите к воротам того города и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя. (*Втор. 22, 23–24*)

Из процитированных слов Торы мы видим, что по отношению к прелюбодеянию обручение (заключение традиционного добрачного договора между женихом и невестой) было приравнено к браку. Измена обрученной женщины каралась так же, как измена вступившей в брак. Согласно древней традиции, от обручения до бракосочетания проходило обычно не менее года, и поэтому беременность Марии должна была обнаружиться как раз в период между ее обручением и началом жизни в браке.

Итак, будучи праведным по Торе, Иосиф был бы обязан публично огласить положение Марии и предать ее еврейскому суду («малому Синедриону», действовавшему во всех местах с более-менее значительным еврейским населением на территории Иудеи). Почему же он так не поступил?

Дело в том, что существовало и иное представление о праведности. Считалось, что истинный праведник может в некоторых случаях и «превосходить меру суда», проявляя «преизбыток милосердия». Такое милосердие имело целью спасение жизни, здоровья, чести окружающих. Но если Иосиф являл именно такой вид праведности, то, не желая осуждения и смерти своей невесты, как он должен был себя повести? Допустим, он мог бы «покрыть грех» Марии, вступить с ней в брак и назваться отцом младенца. Но это привело бы к появлению незаконнорожденного ребенка в благочестивом потомстве царя Давида, что противоречило Божьей заповеди, ведь незаконнорожденный, да и все его потомство, «не может войти в общество Господне»:

Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне. (*Втор. 23, 2*)

Теперь рассмотрим последствия того шага, который, согласно традиционному пониманию текста, намеревался сделать Иосиф, прежде чем ему явился ангел Господень (Матф. 1, 20–24). Еще не зная о своей невесте, что

...Родившееся в ней есть от Духа Святого...
(*Матф. 1, 20*),

Иосиф собирался проявить «преизбыток милосердия» следующим образом:

...Не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее.
(*Матф. 1, 19*)

Однако «тайно отпустить» беременную женщину было возможно лишь на недолгое время: «тайна» быстро открылась бы, и женщина была бы действительно спрошена, чьего ребенка она в себе носит. Соблюдающие Тору и нередко поименно знающие друг друга жители небольших галилейских поселений в любом случае постарались бы выведать, кто же отец ребенка, и Мария приобрела бы репутацию блудницы. Очевидно, что описанный поступок Иосифа в лучшем случае навлек бы на Марию неизгладимый позор и преследования, а в худшем – самосуд толпы, вплоть до по-

биения камнями (ср. Иоан. 8, 3–7). Трудно представить, что праведный Иосиф желал для Марии такой судьбы...

Итак, воспринимая сообщение о «беременности Марии от Святого Духа» буквально, мы оказываемся в кругу неразрешимых противоречий.

Значения слова «чрево» в Священном Писании

В первой главе Евангелия от Матфея о Марии сказано:

...Оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого.
(Матф. 1, 18)

Об этом же говорится и далее – устами ангела:

...Ибо родившееся в ней есть от Духа Святого...
(Матф. 1, 20)

Исходя из формы, в которой излагается данное известие в обоих случаях, можно сделать вывод, что «иметь во чреве от Духа Святого» – состояние в те времена достаточно известное. Эти слова никак не комментируются, а значит, подразумевается, что данный образ читателям уже знаком. Такой вывод может показаться необычным, ведь согласно традиционному пониманию текста речь идет о событии, уникальном во всей библейской, да и всемирной истории!

Ища пояснения, посмотрим, какие значения придаются слову «чрево» в Священном Писании.

Греческое слово *γαστήρ* «*гастэр*» – «чрево», «утроба» – соответствует древнееврейскому *לֶמֶד* «*ме́д*» – «вну-

тренности», «недра», «нутро», «чрево». Однако в Писании это слово может не только иметь буквальное значение, но и означать «внутреннего человека» – нашу душу, наш внутренний мир. Например:

...Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и Закон Твой у меня в сердце. (Пс. 39, 9)

– словом «сердце» передано древнееврейское מֵאֵי *мэ́ай* – «чрево мое», «недра мои».

Даже «внутреннее состояние» Самого Всевышнего описывается пророком так:

Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью вспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилосержусь над ним, – говорит Господь. (Иер. 31, 20)

Здесь «внутренность Моя» – перевод все того же древнееврейского *мэ́ай* – «чрево мое».

Подобно этому и выражение из Книги Иова

Мои внутренности кипят и не перестают...
(Иов. 30, 27),

также содержащее в оригинале слово *мэ́ай*, может быть понято только в переносном смысле: конечно, речь идет

о душевном волнении, о внутреннем переживании, а не о буквальном «кипении» физического чрева.

Дважды повторенная в Притчах Соломоновых сентенция

Слова наушника – как лакомства, и они входят во внутренность чрева. (*Прит. 18, 8 и 26, 22*)

тоже, конечно, имеет переносный смысл, ведь «слова наушника» входят не в физическое «чрево», но в душу, во внутренний мир человека. Заметим, что в последних двух случаях употреблено уже другое древнееврейское выражение: חדר־בֶּטֶן *«хадрэй-вátен»*, буквально «комнаты утробы».

То же слово בֶּטֶן *«бэ́тен»* (в предыдущем примере в форме *ватен*) – «чрево», «нутро» – употреблено в речи Елифаза из Книги Иова:

...Станет ли мудрый отвечать знанием пустым и наполнять чрево свое ветром палящим,

Оправдываться словами бесполезными и речью, не имеющею никакой силы? (*Иов. 15, 2–3*)

Понятно, что и здесь под «чревом» подразумевается внутренний мир человека, душа, в которой возгорается гнев («ветер палящий»).

Еще одно древнееврейское слово, применяемое в значении «чрево», «внутренности», – קֶרֶב *«кэ́рев»* (может

быть, родственное русскому «чрево»). Это слово также употребляется иногда в переносном смысле, означая «внутреннюю жизнь»:

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. (Пс. 50, 12)

«Внутри меня» – в оригинале בקרבי *«бэ-кирби»*, что буквально означает «во чреве моем».

Также и в другом псалме:

Изыскивают неправду, делают расследование за расследованием даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца. (Пс. 63, 7)

«До внутренней жизни» – так переведено словосочетание וקרבי *«вэ-кэрев иш»* – «и чрево человека».

Слово *кэрев* употребляется и в параллель к *мэй* – в значении «чрево», «утроба»:

Оттого внутренность моя стонет о Моаве, как гусли, и сердце мое – о Кирхарешете. (Ис. 16, 11)

Здесь «внутренность моя» – *мэй*, а выражением «сердце мое» переведено *кирби* (притяжательная форма от *кэрев*).

Слово *кэрев* может использоваться и в значении «мысль», «убеждение», внутренне присущие человеку:

В мыслях у них, что дома их вечны и что жилища их в род и род, и земли свои они называют своими именами. (Пс. 48, 12)

«В мыслях» – так передано слово оригинала כִּרְבָּם *кирбám*, буквально «внутренности их», «утробы их».

Кэрев, «чрево», может употребляться и в параллель к слову «душа»:

Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. (Пс. 102, 1)

В оригинале множественное число: כָּל־כִּרְבֵּי *коль кэравáй*, «все внутренности мои». Разумеется, и здесь имеется в виду не физиологическое «чрево», но внутренний мир человека, конкретно – восторженное состояние его души.

Не обладая оригиналом Евангелия от Матфея на древнееврейском языке, мы не можем с точностью сказать, какое именно из перечисленных выше слов передано в греческом тексте как γαστήρ *гастэр* – «чрево». Но, как мы видели, каждое древнееврейское слово с подобным значением может подразумевать также и «внутреннего человека» – мир мыслей, чувств, желаний.

«ПОТОКИ ВОДЫ ЖИВОЙ»

Как мы упомянули выше, оба сообщения о том, что Мария «имеет во чреве от Духа Святого» (Матф. 1, 18 и 20), адресованы тем, кто на основе Священного Писания хорошо понимал о чем идет речь.

Например, о связи понятий о Духе Святом и о «чреве» (в значении «внутреннего мира») свидетельствует следующий новозаветный текст:

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко мне и пей.

Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой.

Сие сказал он о Духе, Которого имели принять верующие в него: ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен.

(Иоан. 7, 37–39)

Описанное событие происходило в праздник Кущей – ср. Иоан. 7, 2–14. «Последний великий день праздника» – это день восьмой, традиционно именуемый Шмини Ацерет – «восьмой заключительный» (см. Лев. 23, 39–43).

В праздник Кущей в иерусалимском Храме происходило традиционное возлияние воды на алтарь Госпо-

день. Воду в золотых и серебряных кувшинах приносили юноши и девушки, черпая ее из источника Силоам близ Иерусалима и передавая первосвященнику для возлияния на жертвенник. Эта вода символизировала «излияние души» всего народа пред Господом:

Народ! надейтесь на Него во всякое время; изливайте пред Ним сердце ваше: Бог нам прибежище. *(Пс. 61, 9)*

Этой традиционно изливаемой на алтарь воде Иисус уподобляет благодать Святого Духа, которая «потечет из чрева» верующих в него. Конечно, имеется в виду обитание Духа Святого во «внутреннем человеке». Подобный же образ «воды живой», символизирующей Дух Божий, Иисус употребляет и в беседе с самарянкой:

...Если бы ты знала дар Божий и кто говорит тебе: дай мне пить, то ты сама просила бы у него, и он дал бы тебе воду живую.

<...>

...Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную. *(Иоан. 4, 10–14)*

Во время праздника Кущей Иисус возвещает, что «реки воды живой», то есть благодать Духа (выражающаяся,

очевидно, в особой радости, любви, а также проявляющаяся в молитве и проповеди) – у верующих «потекут из чрева» (Иоан. 7, 38). В данном случае использовано греческое слово κοιλία *«койли́а»* – «чрево», «живот», восходящее к одному из обозначений «чрева» в древнееврейском языке, о чем мы говорили выше. Таким образом, Дух Святой рассматривается как обитающий «во чреве», то есть «внутри» человека. И хотя на последователях Иисуса (вернее, «в них») «еще не было Духа» (там же, ст. 19), но представление о том, что в пророках и праведниках Дух Божий обитает, как в своих жилищах, было свойственно библейскому мировоззрению с самых ранних времен.

Обитание Духа в людях

Согласно многим свидетельствам Писания, Дух Святой не только сходил на избранных Божиих (см., например, Числ. 11, 25–26), но и обитал, жил в них.

Так было с Иисусом Навином:

И сказал Господь Моисею: возьми себе Иисуса, сына Навина, человека, в котором есть Дух, и возложи на него руку твою... (*Числ. 27, 18*)

В предсмертной речи царя Давида звучат такие слова:

...Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня. (*II Цар. 23, 2*)

Дух Божий входил в пророка Иезекииля и направлял его действия:

И когда Он говорил мне, вошел в меня Дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. (*Иез. 2, 2; ср. 3, 24*)

В будущем исполнится обетование Господне о том, что Дух Его войдет во всех сынов Израиля:

Вложу внутрь вас Дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять. (Иез. 36, 27; ср. 37, 14)

Пророк Даниил был известен в Вавилоне тем, что в нем обитал Дух святого Бога. Царь Навуходоносор обращается к нему с такими словами:

...Я знаю, что в тебе Дух святого Бога, и никакая тайна не затрудняет тебя; объясни мне видения сна моего, который я видел, и значение его. (Дан. 4, 6; ср. 4, 15; 5, 11 и 14)

Итак, Дух Святой обитал внутри пророков и праведников, наполняя их внутренний мир:

И Иисус, сын Навин, исполнился Духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои... (Втор. 34, 9)

Обитал же Дух именно «во чреве», то есть внутри человека. В Иез. 36, 27 употреблено слово בקרבכם «бэ-кирбехэм» – «во чреве вашем»: здесь *кэрев* – «чрево», «внутренность» – указано как место обитания в людях Божьего Духа; в параллельном стихе Иез. 37, 14 значится כבכם «бахэм» – «в вас». В Ис. 63, 11 Святой Дух назван живущим «во чреве» (בקרבי «бэ-кэрев») Моисея (в Синодальном переводе – «в сердце»):

...Где Тот, Который вложил в сердце [бэ-кэрев] его [Моисея] Святого Духа Своего?.. (Ис. 63, 11)

В Новом Завете это древнейшее библейское воззрение отражено многократно. Так, своим ученикам Иисус обещает:

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам что сказать,

Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. (Матф. 10, 19–20)

Павел с особенной силой говорит об обитании Духа в верующих:

Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас. (Римл. 8, 11)

Он прямо называет верующих «Храмом Духа Божьего», в них живущего:

Разве не знаете, что вы Храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (I Кор. 3, 16; ср. 6, 19; II Кор. 6, 16)

Заметим, что в некоторых текстах Нового Завета местом обитания Господнего Духа именуется не «чрево», но «сердце»:

...А надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. (*Римл. 5, 5*)

Таким образом, и «чрево», и «сердце» в библейской метафорике символизируют наш внутренний мир, как, например, в пророчестве Иеремии:

Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу Закон Мой во внутренность их [*бэ-кирбám*], и на сердцах их [*аль-либám*] напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. (*Иер. 31, 33*)

«Она имеет во чреве от Духа Святого»

Сказанное выше подводит нас к вопросу: какой смысл в глазах ранних последователей Иисуса могло иметь сообщение евангелиста относительно Марии, будущей матери Иисуса? –

...Она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*)

Если, как мы видели из целого ряда ветхозаветных примеров и из проповеди Иисуса в праздник Кущей, возможность обитания Духа Святого «во чреве» (во внутреннем мире) человека была известна на рубеже новой эры в среде носителей пророческой традиции (мистиков-ессеев и др.), то почему сказанное о Марии должно восприниматься как исключение из этого правила? Несомненно, и ранние последователи Иисуса могли и, более того, должны были воспринимать слова евангелиста Матфея именно и только как указание на обитание Духа Святого «во чреве», то есть «внутри», Марии. Ни о каком ребенке «во чреве» ее здесь еще не говорится!

Вспомним в этой связи утверждение Иисуса в его беседе с Никодимом:

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. (*Иоан. 3, 6*)

От Божьего Духа рождается не «плоть» человека, но возрождается дух его! По учению Павла,

Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. *(Римл. 8, 16)*

Метафора «рождения», или «возрождения», духа человеческого от Духа Божия пронизывает целый ряд новозаветных текстов.

Так, в упомянутой беседе Иисуса с Никодимом говорится о «рождении свыше», необходимом каждому, кто хочет войти в Царствие Божие:

...Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. *(Иоан. 3, 3)*

Именно в терминах «родиться», «рожденное» обсуждается этот вопрос далее:

Никодим говорит ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? *(Иоан. 3, 4)*

В ответ Иисус настаивает на необходимости получить новую – духовную жизнь, пережить духовное рождение:

...Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. *(Иоан. 3, 5)*

В первом своем утверждении (ст. 3) о необходимости «родиться свыше» Иисус говорит, что не переживший этого состояния «нового рождения» не может «увидеть Царствия Божия». Далее (ст. 5) он продолжает: тот, кто не может даже увидеть, тем более не в силах будет вступить в это Царствие.

Поясняя смысл «нового рождения», Учитель приводит образ, уже упомянутый нами:

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. *(Иоан. 3, 6)*

– и добавляет, что учение о духовном рождении не должно вызывать удивления у человека мудрого, посвященного в тайны Божьи:

Не удивляйся тому, что я сказал тебе: должно вам родиться свыше. *(Иоан. 3, 7)*

Иисус описывает и признаки, которыми сопровождается процесс духовного рождения, – человек начинает «слышать голос Духа»:

Дух дышит где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. *(Иоан. 3, 8)*

В этих словах духовное рождение сопоставляется с рождением физическим, ведь новорожденный младенец

слышит, например, голос матери, но не понимает еще, «откуда приходит и куда уходит» этот голос. Вспомним также в данной связи, что שְׂרָאָה *«Рух Кодеш»*, Дух Святой, в древнееврейском языке женского рода и, следовательно, может сопоставляться с «духовной Матерью» возрожденного человека. В одном из новозаветных апокрифов Иисус прямо называет Святой Дух своей матерью: «Моя Мать – Святой Дух...»

И лишь по мере духовного «взросления» стяжавший Святого Духа начинает понимать «откуда приходит» и «куда уходит» Дух Божий:

Всякий питаемый молоком несведущ в слове правды, потому что он младенец;

Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла. *(Евр. 5, 13–14)*

Ту же метафору духовного рождения встречаем в Первом послании Петра:

Послушанием истине чрез Духа очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца,

Как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего вовек. (I Петр. 1, 22–23)

...Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение... (1 Петр. 2, 2)

Таких людей, которые не только получили физическую жизнь от земных родителей, но и «родились свыше» от Духа Господня, апостол Иоанн именует истинными последователями Иисуса – детьми Божиими:

А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,

Которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились. (Иоан. 1, 12–13)

Как видим, и здесь духовное рождение противопоставляется телесному.

Все это так. Но ведь о самой Марии сказано, что она «...имела во чреве **от** Духа...», а не «Духа»? Однако подобное выражение характерно для целого ряда мест Писания. Дух Божий вездесущ и наполняет Вселенную, поэтому человек получает «**от** Него». Например, Бог говорит Моисею о старейшинах, которые будут даны ему в помощь для управления народом:

Я сойду и буду говорить там с тобою, и возьму **от** Духа, который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа, а не один ты носил. (Числ. 11, 17)

Да и сам Иисус в беседе с Никодимом трижды употребляет тот же оборот речи:

...Если кто не родится **от** воды и Духа, не может войти в Царствие Божие... Рожденное **от** Духа есть дух... Так бывает со всяким, рожденным **от** Духа.
(Иоан. 3, ст. 5, 6 и 8)

Такую же фигуру речи применяет и Петр, говоря о «возрожденных не **от** тленного семени, но **от** нетленного, **от** слова Божия» (I Петр. 1, 23).

Брак Иосифа и Марии

Сказанное выше о том, что Мария «имеет во чреве» не младенца, но «от Духа Святого», то есть что она – пророчица, «внутри» которой, как и «во чреве» других библейских пророков-избранников Божьих, живет Святой Дух, подтверждается описанием встречи Марии с ее родственницей Елисаветой в Евангелии от Луки.

Во время этой встречи Мария пророчествует, будучи движима Духом Святым (Лук. 1, 46–55). Она предрекает, что все будущие поколения будут «ублажать», то есть восхвалять ее как мать Мессии:

...Ибо отныне будут ублажать меня все роды;
Что сотворил мне величие Сильный, и свято имя
Его... (Лук. 1, 48–49)

Пророчество это исполняется постоянно – с тех самых пор и доныне; за два минувших тысячелетия в каждом поколении («роде») великое множество людей «ублажало», то есть признавало «блаженной» (счастливой) и прославляло мать Мессии.

Пророческая песнь Марии во многом напоминает песнь Анны, матери пророка Самуила (I Цар. 2, 1–10), что призвано показать связь между действием Божьего Духа в ветхозаветные и новозаветные времена.

Сказанным весьма убедительно объясняются дальнейшие действия Иосифа-«обручника»:

Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее. (*Матф. 1, 19*)

«Огласить» – так переведено греческое *δειγματισαι* «*дейгматíсай*», означающее «обличить», «ославить», «опозорить».

О чем здесь говорится? Те действия Духа Божьего, которые проявлялись в молитвах Марии и которых свидетелем стал Иосиф, были ему непонятны или даже казались опасными. Подобную реакцию людей, не посвященных в духовные тайны или не имеющих опыта общения с духовидцами, описывает апостол Павел:

Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить *незнакомыми* языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь? (*1 Кор. 14, 23*)

Таким «незнающим» изображен в Писании первосвященник Илий, который подумал, что молящаяся в его присутствии Анна (будущая мать пророка Самуила) находится в опьянении, и потому сказал ей:

...Доколе ты будешь пьяною? Вырезвись от вина твоего... (*1 Цар. 1, 14*)

Таким же «незнающим», вплоть до явления ему ангела, оказался и Иосиф, когда услышал непонятное для него «говорение незнакомыми языками» Марии – ее экстатическую, необычную молитву, возможно, переходившую в пророчествование. Праведность Иосифа при этом проявилась очень естественно – в желании «не оглашать» публично то, что представилось ему безумием, не позорить девушку. Он решился «отпустить» ее тихо – вернуть в круг родственников.

И понадобилось вмешательство ангела, чтобы уверить Иосифа: происходящее с его невестой – Божий дар, проявление Духа Святого.

Но когда он помыслил это, се, ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого... (*Матф. 1, 20*)

Греческое выражение *παραλαβεῖν... τὴν γυναῖκα* «*паралабэин... тен гюнаика*» означает «принять», «взять в жены». Ведь Мария еще не вступила к этому времени с Иосифом в брак, а только была обручена.

Как же понимать, в свете сказанного, слова ангела? –

...Ибо родившееся в ней есть от Духа Святого...
(*Матф. 1, 20*)

«Рожденное (γεννηθεν <геннетэн>) в ней» – это как раз то духовное состояние, которое произвел в Марии Дух Божий и которое, как мы видели выше, постоянно сопоставляется в библейской метафорике с «рождением»:

...Рожденное от Духа есть дух. (Иоан. 3, 6)

Такое «рождение» как раз и пережила Мария, о чем ангел и послан был уведомить ее жениха-«обручника».

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. (Иоан. 3, 8)

Именно так и было с Марией... Что же сделал Иосиф, вразумленный во сне ангелом? –

Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел Господень, и принял жену свою... (Матф. 1, 24)

«Принял» – так передан греческий глагол, означающий, как мы сказали выше, «взять в жены». За таким принятием следует соединение вступивших в брак, рождение детей...

Как известно, Евангелие от Матфея открывается генеалогией Иисуса Христа, его родовым древом:

Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова... (*Матф. 1, 1*)

При традиционном понимании отношений между «отчимом» Иосифом и его «пасынком» Иисусом эта генеалогия относится только к Иосифу. Непонятно, зачем она вообще названа «родословием Иисуса», если Иосиф – не отец ему. Но ведь Евангелие призвано сообщать истину, возвещать чистую правду. Следовательно, оно и должно начинаться с истинного родословия Иисуса.

Впоследствии, удивляясь необычным дарованиям юного Иисуса, окружающие

...Дивились словам благодати, исходившим из уст его, и говорили: не Иосифов ли это сын? (*Лук. 4, 22*)

Такой вопрос выражал изумление людей: как это в семье Иосифа-плотника, не отличавшегося духовными способностями (а в действительности хранившего их в глубокой тайне – вспомним явление ему ангелов), мог родиться и вырасти такой духовно одаренный сын?!..

А некоторое время спустя жители Капернаума, в свою очередь пораженные речью Иисуса о «хлебе, сшедшем с небес», тоже вопрошали:

...Не Иисус ли это, сын Иосифов, которого отца и мать мы знаем?.. (*Иоан. 6, 42*)

Вопрос был вызван той же причиной, что и приведенный в Лук. 4, 22, и имел тот же смысл...

Хорошо известно, что у Иисуса были братья и сестры. И вряд ли есть сколько-нибудь серьезные основания считать их «двоюродными» или «детьми Иосифа от первого брака». Ведь прямо сказано, что все члены семьи Иисуса были связаны самым ближайшим родством:

...Не плотников ли он сын? не его ли мать называется Мария, и братья его Иаков, и Иосий, и Симон, и Иуда?

И сестры его не все ли между нами?..
(*Матф. 13, 55–56*)

В Евангелии от Луки Иосиф, как и Мария, дважды назван родителем Иисуса:

...И, когда родители принесли младенца Иисуса, чтобы совершить над ним законный обряд...
(*Лук. 2, 27*)

Здесь под «законным обрядом» подразумевается выкуп первенца:

...Каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупай. (*Исх. 13, 13*)

Предписывалось доставить первенца в иерусалимский Храм и отдать за него священнику (в данном случае – Симеону Праведному) денежный выкуп, а также принести жертвы (Лук. 2, 22–32). Кстати, описанный обряд выкупа первенца ясно свидетельствует, что Иисус и был первородным сыном Иосифа, а других детей, родившихся прежде Иисуса, у Иосифа не было. Ведь первородство, по Торе, считается по отцу. Из сказанного следует, что братья Иисуса, по завершении его земной миссии возглавлявшие иерусалимскую общину, были рождены Иосифом и Марией после Иисуса. Напомним также, что Иисус назван первенцем в Матф. 1, 25 и Лук. 2, 7.

Родителями Иисуса Иосиф и Мария именуются еще в одном стихе у Луки:

Каждый год родители его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. *(Лук. 2, 41)*

Найдя в Храме среди учителей «потерявшегося» сына, Мария обратилась к нему с такими словами:

...Чадо! что ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали тебя. *(Лук. 2, 48)*

Здесь Иосиф снова назван отцом Иисуса, притом говорит об этом не кто иной, как сама Мария.

Но как тогда нужно понимать следующий рассказ Матфея? –

Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел Господень, и принял жену свою,
И не знал ее, как наконец она родила сына своего первенца, и он нарек ему имя: Иисус. (*Матф. 1, 24–25*)

О том, что выражение «принять жену свою» (точнее, «взять в жены») указывает на законный брак со всеми обычными последствиями, мы уже говорили. Но в чем же тогда смысл сказанного: «...И не знал ее, как наконец она родила сына своего...»?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к свидетельству знаменитого иудейского историка I века н. э. Иосифа Флавия касательно обычаев ессеев. Описывая разделение ессеев на безбрачных (пользуясь более поздним, уже христианским, термином – «монашествующих») и вступающих в брак, об этих последних Иосиф говорит:

В период беременности своих жен они воздерживаются от супружеских сношений, чтобы доказать, что они женились не из похотливости, а только с целью достижения потомства. (*«Иудейская война», 2, 13*)

Но ведь то, что сообщает Матфей об Иосифе и Марии, в точности соответствует этим сведениям о ессеях! Взяв

в жены Марию (в Синодальном тексте: «приняв жену свою»), то есть соединившись с ней и узнав, что она от него забеременела, Иосиф до самого рождения младенца более «не знал ее», исполняя ессейский обычай.

Вообще, в пользу близости «предхристианского» окружения Иисуса к ессеям говорит многое, и существуют серьезные исследования на эту тему. Главное же сходство заключается в признании и «предхристианами», и ессеями продолжающегося – и в их времена – пророчества и необходимости непосредственного, живого общения человека с Богом. Именно в этом состоит одно из основных отличий ессеев как от саддукеев, так и от фарисеев. Первых характеризовало формально-рациональное отношение к Писанию. По некоторым сведениям, часть саддукейства даже не придавала значения книгам Пророков, принимая во внимание только предписания Торы в их исключительно буквальном смысле (что отчасти сближало саддукеев с самаритянами). Фарисеи же утверждали, что пророчество прекратилось еще в начале эпохи Второго Храма (последними пророками считались Аггей, Захария и Малахия).

Ессеи, в противоположность двум вышеназванным направлениям иудейства, были мистиками и харизматами. Они верили в продолжающееся Божественное откровение Израилю и в то, что в их общинах в каждом поколении появляются пророки Господни.

Сравним это их верование с тем обилием боговдохновенных людей, о которых повествуют первые главы

Евангелий от Матфея и Луки. Захария (отец Иоанна Крестителя), Иосиф и Мария, а также и пастухи на поле видят ангелов (Лук. 1, 11–20 и 36–37; 2, 8–15; Матф. 1, 20–21). Мария, Захария, Елисавета, Иоанн, Симеон и Анна пророчествуют (Лук. 1, 41–56 и 67–79; 2, 25–38; 3, 2–3). Все эти люди, подобно ессеям, ведут жизнь, насыщенную видениями, откровениями, экстатическими состояниями, духовными озарениями...

На таком фоне вполне естественно, что Иосиф в своих отношениях с супругой следует ессейским правилам и более «не знает» («не познаёт») ее, пока не родится ребенок.

Об «освящении утробы»

Ранние последователи Иисуса, конечно, видели различие между «родившимся [в греческом тексте – в прошедшем времени] в ней [Марии]», то есть «родившимся от Духа Святого» ее внутренним духовным состоянием, «внутренним человеком» (Матф. 1, 20) – и обетованием о будущем рождении Иисуса («родит же сына...»). В греческом тексте «родившееся в ней» (1, 20) – среднего рода, что не согласуется со строем речи, говорящим о младенце мужского пола:

...Родит же сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо он спасет людей своих от грехов их. (Матф. 1, 21)

Принесенное ангелом обетование о рождении Спасителя («он спасет людей своих») и побудило Иосифа взять Марию в жены («принял жену свою» – ст. 24) и стать, таким образом, законным отцом Иисуса – тем самым звеном, которое по прямой линии связало Мессию с Давидом и Авраамом, так что к нему полностью и в самом буквальном смысле относятся первые слова Матфея:

Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. (Матф. 1, 1)

Однако же для принятия святого «семени Давидова», передающегося через Иосифа, материнская утроба Марии нуждалась в особом освящении – и именно об этом освящении сказано: «Она имела во чреве от Духа Святого» (ст. 18). Естество матери, предназначенной произвести на свет посланника Божьего, пророка, согласно Писанию, очищается и освящается особым образом. Так, о зачатии и рождении пророка Иеремии Бог говорит:

...Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятит тебя: пророком для народов поставил тебя.
(Иер. 1, 5)

Здесь употреблены два древнееврейских слова, означающие материнскую утробу: רֶחֶם «*бэ́тен*» и חֶמֶד «*рэ́хем*». Производное от последнего, רַחֲמִים «*рахамím*», означает «милосердие», «сострадание», «любовь» – чувство, характеризующее отношение матери к «чаду чрева своего». Этот смысл хорошо передает церковнославянское слово «благоутробие».

Однако возникает вопрос: не означает ли сказанное Иеремии Богом, что именно дух и душа самого пророка были предназначены («познаны») Господом для особой миссии, «освящены» ради его будущей деятельности? Имеет ли отношение эта «освящающая благодать» не-

посредственно к «чреву», «утробе» матери, родившей пророка?

Уточним это на другом примере.

Матери будущего судьи Израилева Самсона явился ангел и предупредил ее:

...Итак, берегись, не пей вина и сикера и не ешь ничего нечистого;

Ибо вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки филистимлян. (*Суд. 13, 4–5*)

Как видим на этом примере, освящение «утробы» матери необходимо – как со стороны ее внутреннего мира (сосредоточенность на будущей миссии ребенка, старание быть достойной облачить во плоть столь великую душу), так и со стороны ее физической природы (воздержание от замутняющих разум напитков и запрещенных видов пищи). Все это нужно для правильного развития в утробе Божьего избранника. Например, об Иоанне Крестителе сказано, что он

...Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей... (*Лук. 1, 15*)

Преимственность от Давида и родословие Марии

Начало, а по сути заглавие первой главы Евангелия от Матфея, говорит о многом:

Родословие Иисуса Христа, сына Давидова...
(*Матф. 1, 1*)

Согласно пророчеству, произнесенному Нафаном, по прямой мужской линии от Давида должен был произойти Мессия – Спаситель:

...Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его.

Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки.

Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном... (*II Цар. 7, 12–14*)

Относится ли это пророчество только к непосредственному сыну Давида – царю Соломону, который возвел Храм Господень? Соломон, несомненно, был одним из прообразов Мессии – как мирный царь, величайший мудрец и строитель Божьего дома. Но прообразами Мессии, как известно, были многие ветхозаветные пат-

риархи, пророки, праведники. И к Соломону никак не может относиться обетование:

...Я утвержу престол царства его навеки.
(II Цар. 7, 13)

Царствование Соломона закончилось с его физической смертью. Если же понимать пророчество как относящееся к целой цепи его потомков-царей, то их правление прервалось Вавилонским пленом, и с тех пор представители Давидовой династии более не вступали на престол.

Навеки будет утверждено только царство Мессии, как предвозвестил ангел Гавриил Марии:

...И вот, зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь ему имя Иисус.

Он будет велик и наречется сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида, отца его;

И будет царствовать над домом Иакова веками, и Царству его не будет конца. (Лук. 1, 31–33)

Именно в отношениях между Мессией и Богом как между сыном и Отцом, а также в вечном характере царствования Мессии должно осуществиться обетование Господа Давиду о «семени» (потомке), которое

...Произойдет из чресл твоих... (II Цар. 7, 12)

Однако же ранние последователи Иисуса, воспитанные в иудейской традиции и хорошо разбиравшиеся в Писании, твердо знали, что, согласно Торе, наследство (в том числе и престолонаследие) должно передаваться исключительно по прямой мужской линии – до тех пор, пока у человека имеется мужское потомство. И только при отсутствии наследника-мужчины женщина («дочь») может вступить в права наследия. Повеление об этом было дано еще Моисею относительно дочерей Салпаада, не имевшего сыновей, и это повеление стало заповедью для всех израильтян:

...И сынам Израилевым объяви и скажи: если кто умрет, не имея у себя сына, то передавайте удел его дочери его...

<...>

...И да будет это для сынов Израилевых постановлено в закон, как повелел Господь Моисею.
(Числ. 27, 8–11)

Итак, мессианское обетование о «семени Давида» должно было осуществиться по отношению к его прямому потомку по мужской линии:

...Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его.
(II Цар. 7, 12)

В Послании к Римлянам Иисус назван «семенем Давидовым по плоти». Апостол напоминает, что Бог дал обетование

...Через пророков Своих, в святых писаниях,
О сыне Своем, который родился от семени Давида по плоти
И открылся сыном Божиим в силе, по Духу святости... (Римл. 1, 2–4)

Павел пишет своему ученику Тимофею, чтобы тот помнил

...Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых... (II Тим. 2, 8)

Мы уже сказали, что женщина («дочь») имеет право наследовать (в нашем случае мессианские обетования) только в том случае, если нет мужчины-наследника. Задумаемся: когда «пришла полнота времен» (Гал. 4, 4), то есть наступило время родиться Мессии, был ли у царя Давида прямой потомок по мужской линии? На этот вопрос отвечает само родословное древо Иосифа (Матф. 1, 5–16). Если же Иосиф – прямой потомок Давида в своем поколении, то именно от него и должен был произойти обетованный Мессия!

Теперь рассмотрим права Марии на наследование от Давида: мог ли Мессия, согласно Торе, произойти от нее – без посредства Иосифа?

О генеалогии Марии в новозаветных писаниях говорится только то, что она была родственницей Елисаветы, жены священника Захарии. Ангел Гавриил возвестил Марии:

Вот и Елисавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей...
(Лук. 1, 36)

Елисавета же происходила от первосвященника Аарона, брата Моисеева, то есть из колена Левия:

...Был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. (Лук. 1, 5)

По названной линии родства Мария не имела отношения к царю Давиду, происходившему из колена Иуды (Руф. 4, 12 и 18–22; Матф. 1, 3–6).

Однако предположим даже, что по другой линии Мария восходила к царю Давиду (хотя в Евангелии основания для этого мы не находим: оба родословия Иисуса – как у Матфея, так и у Луки – описывают генеалогию Иосифа, а не Марии). Но если бы даже Мария по прямой отцовской линии и происходила от Давида, то и тогда,

при наличии у Давида в этом поколении мужского потомка («сына Давидова»), она, согласно Закону Моисееву, не могла быть преемницей мессианского обетования и родить Мессию (см. выше). Не имея права на престолонаследие от Давида, Мария не могла передать это право и своему сыну Иисусу. Такое право она получила, только выйдя замуж за прямого наследника Давида и восприняв от него то самое «семя», к которому и относится пророчество о Мессии!

Благовестие ангела Марии

Возникает такой вопрос: если начало Евангелия от Матфея ранние последователи Иисуса понимали как свидетельство о законном происхождении Мессии по мужской линии от «семени Давидова по плоти» (Рим. 1, 3), то как могло рассматриваться в их среде сообщение Луки о благовестии ангела Марии? Ведь Евангелие от Луки появилось достаточно рано, хотя и несколько позже Благовестия от Матфея (Лук. 1, 1–4). И с содержанием этого евангелия верующие ранней эпохи, конечно же, были знакомы.

Для ответа на этот вопрос вчитаемся в описание благовещения у Луки:

В шестой же месяц послан был ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет,
К деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же деве – Мария. (Лук. 1, 26–27)

Благую весть Марии приносит тот самый ангел Гавриил (в более поздней традиции он именуется по-гречески архангелом, то есть «старшим», или «начальствующим», ангелом), который, явившись в свое время пророку Даниилу, предсказал срок прихода Мессии, его казнь и воскресение (Дан. 9, 24–27). Знаменателен тот факт, что

именно ангел, предсказавший Даниилу приход Мессии, был послан и к Марии.

Лука (1, 27) утверждает, подобно Матфею, что именно Иосиф происходил из дома Давидова и что к моменту благовещения Мария была «девой, обрученной Иосифу». Интересно, что у Матфея явившийся Иосифу ангел по имени не назван (Матф. 1, 20–21; 2, 11–20).

Продолжим чтение Луки:

Ангел, войдя к ней, сказал: радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами.
(Лук. 1, 28)

В первых словах ангела еще не содержится весть о рождении Иисуса, а только – благословение и «величание» Марии. Ей предвещается особый почет, небывалая слава – в сравнении со всеми другими женщинами; как мы знаем из истории, это пророчество полностью сбылось.

В ответ на благословение Мария смущается, размышляя о смысле сказанного:

Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. (Лук. 1, 29)

Текст не уточняет, сразу ли поняла Мария, что перед ней ангел. Ее смущение могло быть поначалу связано и с внезапным появлением незнакомого человека. Если

же слова «смутилась от слов его» связаны с тем, что Мария опознала в явившемся ей муже ангела, то выходит, что она сочла сказанное непонятным и ею незаслуженным, ведь она еще не совершала ничего такого, за что ее можно было так превозносить. Наименование אִשָּׁה *«ишá»*, «жена», прилагалось только к замужним женщинам. Мария же была еще только обручена, и слова «благословенна ты между женами» могли смутить ее, еще не понявшую, что она внимает не обычному приветствию, но пророчеству.

...И вот, зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь ему имя Иисус. (*Лук. 1, 31*)

Этими словами ангел соотнес изреченное им ранее благословение и «величание» с наступающим событием – зачатием и рождением Иисуса. Заметим: имя младенца было заранее указано как Марии, так и Иосифу:

...Родит же сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо он спасет людей своих от грехов их. (*Матф. 1, 21*)

Поскольку Матфей, по имеющимся историческим сведениям, писал свое евангелие по-еврейски, он подчеркивает значение имени Иисус (יֵשׁוּעַ *«Йеѣшоуá»* – «Господне спасение» и יֵשׁוּ *«Йешуá»* – «спасение»). Этот смысл был очевиден для каждого носителя древнееврейского языка. Лука же, обращаясь к язычникам, не

упомянул о значении имени, но зато привел предсказание ангела о величайшей будущности сына Марии:

Он будет велик и наречется сыном Всевышнего,
и даст ему Господь Бог престол Давида, отца его;
И будет царствовать над домом Иакова вовеки,
и Царству его не будет конца. *(Лук. 1, 32–33)*

Интересно, что о сыновстве Иисуса по отношению к Богу здесь сказано:

...Наречется сыном Всевышнего... *(см. 32)*

Это предсказание звучит так, словно Иисусу еще только предстоит стать сыном Божьим. Предсказанию предшествуют слова: «Он будет велик...» Здесь можно усмотреть указание на будущее духовное возрастание Иисуса – вплоть до усыновления его Всевышним. Подобный взгляд отражен и в Послании к Евреям:

...Хотя он и сын, однако страданиями навѣк [то есть научился] послушанию,
И, совершившись [то есть достигнув совершенства], сделался для всех послушных ему виновником спасения вечного... *(Евр. 5, 8–9)*

Здесь тоже говорится о постепенном духовном развитии и восхождении Иисуса.

Далее ангел Гавриил описывает грядущее царствование Мессии:

...И даст ему Господь Бог престол Давида, отца его... (Лук. 1, 32)

Тут, очевидно, речь идет о предсказании пророка Нафана царю Давиду:

...Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его.

Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. (II Цар. 7, 12–13)

Мы уже упоминали о том, что полностью к правлению Соломона это пророчество отнести невозможно: Соломон царствовал временно, а описываемый Нафаном грядущий царь будет править вечно. Именно об этом и возвещает Гавриил Марии:

...И будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству его не будет конца. (Лук. 1, 33)

Однако же прообразное сходство между царем Соломоном и грядущим Мессией, несомненно, содержится в пророчестве Нафана. В числе прочего, это сходство выражается в построении Храма:

Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. *(II Цар. 7, 13)*

Если Соломон построил Храм буквальный, земной, то Мессии предстоит основать Храм духовный, возведенный из душ его последователей – как из «живых камней»:

...И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. *(I Петр. 2, 5)*

...Однако вернемся к благовещению. Мы сказали, что исполнение пророчества Нафана должно было осуществиться в появлении и деятельности прямого потомка Давида по мужской линии – Мессии:

...И даст ему Господь Бог престол Давида, отца его... *(Лук. 1, 32)*

Выслушав объяснение, почему именно она превзойдет славой всех женщин мира,

Мария же сказала ангелу: как будет это, когда я мужа не знаю? *(Лук. 1, 34)*

В каком смысле Мария «не знает мужа»?

Отметим, что Мария не утверждает, будто она и в будущем «не познает» мужа. Она говорит исключительно в настоящем времени: «мужа не знаю».

Ангел сказал ей в ответ: Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое святое наречется сыном Божиим. *(Лук. 1, 35)*

Это напоминает слова об освящении как души самого пророка, так и чрева его матери, обращенные Богом к Иеремии:

...Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. *(Иер. 1, 5)*

Надо думать, что и Павел, говоря

...Бог, избравший меня от утробы матери моей... *(Гал. 1, 15),*

имеет в виду особое благодатное воздействие не только на его душу, но и на его мать – при зачатии будущего апостола и его пребывании в материнской утробе.

О том, что Дух Святой «нашел» на Марию перед зачатием Иисуса (Матф. 1, ст. 18, 20), мы уже говорили

выше, разъяснив, что, согласно учению ранних последователей Иисуса, выражение

...Она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*)

говорит не о младенце из плоти и крови, но о самом Духе Святом. Это «родившееся в ней» (*Матф. 1, 20*) есть определенное духовное состояние, необходимое для зачатия и ношения во чреве будущего Спасителя.

Мы упоминали и о том, что подобный образ – «иметь во чреве (то есть во внутреннем мире) от Духа Святого» – был достаточно известен в рассматриваемую эпоху, о чем говорится и в Новом Завете:

Кто верует в Меня, у того... из чрева потекут реки воды живой.

Сие сказал он о Духе... (*Иоан. 7, 38–39*)

Заметим, что ни Иосиф, ни Мария не задали ангелу в этой связи дальнейших вопросов – следовательно, хорошо понимали, о чем идет речь.

На то, что зачатие, ожидающее Марию, не является «сверхъестественным», указывает и дальнейшая речь Гавриила. Ведь он сравнивает событие, ожидающее Марию, с тем, что уже произошло с ее родственницей Елисаветой – а разве мыслимо было бы так просто и легко сравнить единственное в истории «безмужнее»,

«бессеменное» зачатие с зачатием обычным и естественным? –

Вот и Елисавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц... *(Лук. 1, 36)*

И далее предсказание о зачатии и рождении Иоанна Крестителя (Лук. 1, 11–18) ангел приравнивает к слову Божию, обращенному к Марии:

...Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. *(Лук. 1, 37)*

Обещание ангела Гавриила

...Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя... *(Лук. 1, 35)*

вскоре исполнилось – об этом свидетельствуют обстоятельства встречи Марии с Елисаветой. О последней сказано:

Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святого Духа... *(Там же, 41)*

«Чрево» Елисаветы перед зачатием ею Иоанна, как и «чрево» Марии, было освящено Духом Божиим. Ангел возвестил Захарии о его будущем сыне:

...Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей... *(Там же, ст. 15)*

И вот, в ответ на пророчество Елисаветы, Мария, по наитию Духа, в ней уже обитающего и освящающего ее «утробу», тоже пророчествует (Лук. 1, 46–55). Движимая Духом Святым (см. II Петр. 1, 21), она, в числе прочего, предвещает:

...Ибо отныне будут ублажать меня все роды...
(Лук. 1, 48)

Но вернемся к вопросу Марии:

...Как будет это, когда я мужа не знаю? *(Лук. 1, 34)*

В греческом тексте вопрос звучит так: Πως εσται τουτο ελεϊ ανδρα ου γινωσκω? «Пос эстай тўто, эней андра у гинóско?». Традиционное понимание этого вопроса связано с обетом девства, якобы данным ранее Марией. Причем, согласно этому мнению, Иосиф-«обручник» был приставлен к ней именно для того, чтобы охранять ее девство. Такое воззрение восходит к так называемо-

му «Первоевангелию Иакова» – сравнительно позднему апокрифу, но не к тексту Луки.

Как же, в таком случае, верующие первых поколений могли интерпретировать вопрос Марии?

Дело в том, что греческое слово *επει* «эпей» (в Синодальном тексте – «когда») имеет еще одно значение: «покуда», «до каких пор», «до какого времени». При таком понимании вопрос Марии звучит несколько иначе: «Как быть с этим, покуда я мужа не знаю?»

Что же здесь имеется в виду?

Величие обетований, данных Марии, требовало особого настроения, духовной подготовки с ее стороны. Что делать ей, чтобы приготовить себя к столь значимому для всего Израиля событию?

В подобном состоянии недоумения находилась и жена Маноя, будущая мать Самсона, когда ангел предсказал ей рождение сына. Не удовлетворившись первоначальными указаниями ангела о том, как подготовиться к этому событию, она побудила мужа помолиться, чтобы ангел явился опять и уточнил свои наставления (Суд. 13, 2–14). Ведь уже при первом своем явлении ангел указал:

...Итак, берегись, не пей вина и сикера и не ешь ничего нечистого;

Ибо вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенца сей будет назорей Божий... (Суд. 13, 4–5)

Если в столь строгом воздержании, очищении и «освящении чрева» нуждалась мать будущего судьи Израилева, то насколько же более усилый требовалось от Марии перед зачатием ею Мессии!

Поэтому вопрос Марии «Как быть с этим, покуда я мужа не знаю?» означает: «Как мне теперь поступать, как очищаться и освящаться перед соединением с мужем?» При таком понимании ее вопроса вполне понятен и ответ ангела:

...Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое святое наречется сыном Божиим. (*Лук. 1, 35*)

Это означает, что Всевышний Сам совершит Духом Своим и силой Своей все, необходимое для очищения «чрева» – внутреннего мира – Марии перед зачатием ребенка.

Часть 2

Рождение Иисуса согласно ветхозаветным пророчествам

Пророчество Исаии

В связи с рождением Мессии Матфей приводит знаменитое пророчество Исаии, изреченное за семь с половиной веков до появления на свет Иисуса:

А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит:

Се, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог. (*Матф. 1, 22–23*)

Заметим, что сказанное можно воспринимать как продолжение слов ангела, обращенных к Иосифу (ст. 20–23), а можно рассматривать и как пояснение, принадлежащее самому евангелисту.

Обратимся теперь к упомянутому пророчеству Исаии. Оно было непосредственно адресовано царю Ахазу, который боялся, что коалиция врагов нападет на него и одолеет в битве. В эту коалицию входили Рецин, царь сирийский (арамейский), и Факей, царь израильский (то есть царь Северного царства Израиля, в то время как сам Ахаз властвовал над южным, Иудейским, царством). Господь повелел Исаии выйти навстречу встревоженному Ахазу и успокоить его – замысел врагов, выступивших против Иерусалима и желающих совершить государственный переворот в Иудее, не сбудется:

Но Господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется;

Ибо глава Сирии – Дамаск, и глава Дамаска – Рецин; а чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом... (Ис. 7, 7–8)

Смысл предсказания таков: правящий в Дамаске царь Рецин является последним властителем Сирии, после которого другого царя («главы») в Дамаске уже не будет. Также и Ефрем, то есть Северное царство Израиля, близится к своему закату – через 65 лет он «перестанет быть народом», то есть государственность его упразднится. Оба царства, ополчившиеся против подвластной Ахазу Иудеи, находятся, таким образом, на грани своего падения, доживают последние годы. Что же станет причиной их гибели? Дальнейшее пророчество объясняет это – их сметет с лица земли нашествие ассирийского воинства:

...Богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским. (Ис. 8, 4)

Ассирия уже усиливается и угрожает как Дамаску – столице Сирии, так и Самарии – столице Северного царства Израиля. Именно поэтому Господь именует два этих царства «дымящимися головнями», повелевая Исаии сказать Ахазу:

...И скажи ему: наблюдай и будь спокоен; не страшись и да не унывает сердце твое от двух концов этих дымящихся головней, от разгоревшегося гнева Рецина и сириян и сына Ремалиина. (Ис. 7, 4)

Дымящиеся головни – все, что остается от прогоревшего костра. Подобно этому, время «горения» (расцвета и силы) Сирийского и Израильского царств – уже в прошлом, и от их «костров» остались одни обугленные «дымящиеся головни». В связи с угрозой ассирийского нападения на них самих они уже не страшны для Иудеи. Царь Ахаз (видимо, по совету пророка Исаии) вскоре заключил союз с Феглаффелласаром, царем Ассирии, и этим окончательно обезопасил себя от угрозы со стороны Сирии и Северного царства Израиля (Ефрема):

И послал Ахаз послов к Феглаффелласару, царю Ассирийскому, сказать: раб твой и сын твой я; приди и защити меня от руки царя Сирийского и от руки царя Израильского, восставших на меня. (IV Цар. 16, 7)

Посольство и ходатайство Ахаза, сопровождаемые богатыми подношениями, оказались весьма успешными:

И послушал его царь Ассирийский; и пошел царь Ассирийский в Дамаск, и взял его, и переселил жителей его в Кир, а Рецина умертвил. *(IV Цар. 16, 9)*

Таким образом, пророчество Исаии о «двух дымящихся головнях» сбылось: одна «головня», царство Сирии, «выбыла из игры» в результате поражения от ассирийцев; другой же «головне», Израильскому царству, осталось существовать еще шесть с половиной десятков лет, что точно предсказал Исаия:

...А чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом... *(Ис. 7, 8)*

Без поддержки Сирии царство Ефрема уже не осмеливалось выступить против Ахаза. Однако же в самый момент изречения пророчества Ахаз усомнился в правоте слов Исаии и попросил доказательство. Таким доказательством могло послужить некое знамение, посылаемое Господом в знак истинности пророчества. Об этом Бог упомянул через Исаию:

...Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены. *(Ис. 7, 9)*

Итак, следовало «удостоверить» в правоте предсказания тех, кто вначале не поверил в него. Поэтому далее пророк предлагает царю:

Проси себе знамения у Господа, Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. *(Ис. 7, 10–11)*

Примеры того, как «просят знамения» у Господа, мы находим в Писании неоднократно. Так, царь Езекия, сын Ахаза, тоже получил через пророка Исаию предложение «просить себе знамения». Езекия тяжело заболел – и, уже находясь на смертном ложе, умолял Господа исцелить его. Господь откликнулся на мольбу и велел пророку Исаии возвестить царю, что выздоровление наступит уже на третий день:

...Так говорит Господь, Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот, Я исцелю тебя; в третий день пойдешь в дом Господень... *(IV Цар. 20, 5)*

Кроме того, Бог обещал:

...И прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет, и от руки царя Ассирийского спасу тебя и город сей... *(IV Цар. 20, 6)*

Однако Езекия не поверил в такую милость Божью и попросил пророка доказать ему истинность Господних слов:

И сказал Езекия Исаии: какое знамение, что Господь исцелит меня и что пойду я на третий день в дом Господень? *(IV Цар. 20, 8)*

Тогда пророк предложил ему выбрать между двумя знаменами:

...Вперед ли пройти тени на десять ступеней или воротиться на десять ступеней? *(IV Цар. 20, 9)*

Речь идет о солнечных часах, отбрасывающих тень по мере движения солнца. Большие часы такого рода были сооружены в Иерусалиме при Ахазе, отце Езекии, как об этом повествуется в Книге Исаии:

Вот, я возвращу назад на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым... *(Ис. 38, 8)*

Именно такое знамение и выбрал сам Езекия, сказав:

...Легко тени подвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней. *(IV Цар. 20, 10)*

То знамение, о котором Езекия просил, он получил, и в дальнейшем обещанное ему полностью осуществилось...

Итак, знамение – это чудо, совершаемое свыше и проявляющееся в нарушении законов природы, в изменении привычного хода событий.

За несколько сот лет до Езекии просил знамения от Господа и судья (правитель) израильский Гедеон. Он не был уверен, что Бог Сам говорит с ним через ангела:

...Сделай мне знамение, что Ты говоришь со мною...
(Суд. 6, 17)

И лишь после того, как пища, приготовленная Гедеоном для ангела, воспламенилась от прикосновения ангельского жезла, а сам гость исчез, Гедеон поверил...

Во второй и в третий раз испытывал Гедеон Господа, прося знамения: действительно ли ему предназначено спасти Израиля? –

И сказал Гедеон Богу: если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты,

То вот, я расстелю *здесь* на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты. (Суд. 6, 36–37)

Знамение осуществилось, и тогда Гедеон попросил вторично:

...Пусть будет сухо на одной только шерсти, а на всей земле пусть будет роса. (Суд. 6, 39)

Приведенные примеры показывают нам, каких именно знамений ожидали люди от Господа в подтверждение пророчеств.

...Возвратимся теперь к ситуации, в которой оказался царь Ахаз. Он услышал предложение Исаии:

...Проси себе знамения у Господа, Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. (Ис. 7, 11)

«В глубине» – означает «на земле», «на высоте» – в небесах. Любое явление природы Бог может использовать, чтобы изменить естественный ход событий, совершить чудо – и тем самым подтвердить Свои обетования.

Однако же Ахаз отказался «просить знамения»:

...Не буду просить и не буду искушать Господа. (Ис. 7, 12)

Об Ахазе известно, что от Господа и Его Закона он многократно отступал, впадая в идолопоклонство:

...Не делал угодного в очах Господа, Бога своего, как Давид, отец его...

И даже сына своего провел чрез огонь, *подражая* мерзостям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых,

И совершал жертвы и курения на высотах, и на холмах, и под всяким тенистым деревом. (IV Цар. 16, 2–4)

Возможно, осознавая свою вину перед Богом, Ахаз и отказался «просить знамения». А может быть, он еще и боялся лишний раз «искушать Господа» своей просьбой. Видимо, он был плохо знаком с Законом Господним и не понимал, что если Бог повелевает что-либо (в данном случае – «проси себе знамения»), то следует беспрекословно повиноваться.

Именно поэтому Исаия и упрекает его:

Тогда сказал *Исаия*: слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? (*Ис. 7, 13*)

Обращение во множественном числе («вы», «дом Давидов») указывает на то, что с Ахазом были и другие представители царского дома (ср. там же ст. 3). «Затруднял людей» Ахаз, очевидно, своими отступлениями от Всевышнего, а теперь и «затруднял Бога» – нежеланием исполнить Его волю и попросить знамения. Поэтому Господь решает, что Сам даст знамение ему и другим членам его семьи:

Итак, Сам Господь даст вам знамение... (*Ис. 7, 14*)

Обратим особое внимание на приведенный стих: знамение Господь даст именно «вам» (Ахазу и членам его семьи), поскольку только сам Ахаз и его ближние нуждаются в этом знамении, чтобы уверовать в сказанное им ранее.

В чем же будет заключаться знамение, данное Ахазу? –

...Се, дева во чреве приимет, и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил. *(Ис. 7, 14)*

Всмотримся подробнее в сказанное: в чем же именно должно выразиться знамение, связанное с рождением младенца Еммануила? –

Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуместь отвергать худое и избирать доброе; Ибо прежде нежели этот младенец будет разуместь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее. *(Ис. 7, 15–16)*

Следовательно, знамение имеет характер «хронологический»: ко времени повзросления младенца, ныне зачинаемого девой, – когда он уже будет в состоянии отличать «худое от доброго», то есть пользу от вреда – коалиция двух царей («земля, которой ты [Ахаз] страшишься») распадется («будет оставлена»). По какой причине она распадется и не будет более страшна для Ахаза? –

...Ибо прежде, нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, – богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским. *(Ис. 8, 4)*

Появление у ребенка способности отличать пользу от вреда («отвергать худое и избирать доброе») и проявлять первые речевые навыки (звать отца и мать) примерно совпадают по времени. Как раз к названному сроку царства Дамаска и Самарии – Сирия и Израиль (Северное царство) – станут безопасны для Ахаза: их покорят ассирийцы.

Кто же та «дева» (древнееврейское *אֵלְמָא* «альма»), которой предстоит зачать и родить ребенка по имени Емануил, – то самое дитя, чье повзросление совпадет с ассирийским нашествием на враждебные Ахазу царства? Об этом говорится в следующих стихах Книги Исаии:

И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина, –

И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына... (Ис. 8, 2–3)

О чем же призваны были свидетельствовать два «верных свидетеля»? О времени зачатия того самого ребенка, сына пророка Исаии, о котором сказано ранее. Ведь к тому времени, когда он сумеет произнести «отец мой», «мать моя», царства, грозящие ныне Ахазу, будут уже покорены Ассирией (там же, ст. 4). Следовательно, срок зачатия этого младенца играет особую роль в знаменнии – как точка отсчета.

Как священники, так и пророки пользовались особым почитанием и доверием, поэтому оба свидетеля, свя-

щенник Урия и пророк Захария, сын Варахиин, и названы верными. Предание отождествляет последнего с Захарией, сыном Иодая, побитым впоследствии камнями за свое пророчество, вызвавшее гнев у царя Иоаса (II Пар. 24, 20–21; ср. Матф. 23, 25).

В стихе Ис. 8, 3 жена Исаии именуется пророчицей – то ли как супруга пророка, то ли как женщина, сама удостоившаяся пророческого дара. Древнееврейское слово מַלְּוּ *«альма́»* характеризует юный возраст женщины и может означать как девственницу, так и молодую замужнюю женщину. Слово использовано с определенным артиклем: מַלְּוּהָ *«ḡa-альма́»* – буквально «эта дева», или «эта молодица». Речь идет о конкретной молодой женщине, известной Ахазу, иначе не было бы артикля הָ *«ḡa»*, указывающего на вполне определенное лицо. То же слово *альма* употреблено в Прит. 30, 19, где говорится о «пути мужчины к девице» – מַלְּוּ *«бэ-альма́»*, буквально «в девице», «в молодице», то есть речь идет о брачных отношениях.

Следовательно, мы находим у Исаии прямой образ той девы и того младенца, о которых сказано в Матф. 1, 23: это жена самого пророка и рождающийся от нее сын по имени Еммануил.

Имена-пророчества

Писание свидетельствует, что имена, даваемые пророками своим детям, нередко были знаменами-предвещаниями. Так, пророк Осия, старший современник Исаии, получил от Господа указание наречь своих двух сыновей именами Изреель (название долины, где было совершено кровопролитие, за что ожидалось Господне возмездие) и Лоамми – «не Мой народ» (символ временного оставления Богом Своего народа). Дочь же Бог повелел Осии назвать Лорухама – «Непомилованная», в знак того, что нечестивцы не будут прощены. В дальнейшем, когда милость Господня возвратилась к народу, Он повелел:

Говорите братьям вашим: «Мой народ», и сестрам вашим: «Помилованная». *(Ос. 2, 1)*

Также и имена детей Исаии должны были указывать на события, предсказанные самим пророком:

Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе. *(Ис. 8, 18)*

«Вот я и дети»... Следовательно, и имя самого Исаии надо рассматривать как предсказание: оно означает

«спасение Господне», что указывает не только на финальное, эсхатологическое (относящееся к «концу дней» человеческой истории) спасение Божье, ожидающее Израиль, но и на спасение, проявляющееся в каждом поколении, и прежде всего – в поколении самого Исаии.

Что же касается сыновей пророка, один из них носил имя Шеар-ясув:

И сказал Господь Исаии: выйди ты и сын твой Шеар-ясув навстречу Ахазу... (Ис. 7, 3)

Имя שאר יָשׁוּב *«Шеар-яшув»* означает «остаток вернется» и указывает на спасение и возвращение к Господу остатка еврейского народа после многочисленных испытаний и бедствий. Это словосочетание встречается у Исаии также и в другом контексте – не в приложении к его сыну:

И будет в тот день: остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова не будут более полагаться на того, кто поразил их, но возложат упование на Господа, Святого Израилева, чистосердечно.

Остаток обратится, остаток Иакова – к Богу сильному. (Ис. 10, 20–21)

Приведенное пророчество позволяет нам утверждать, что Исаия назвал своего сына Шеар-ясув, предрекая указанное событие.

Второй сын Исаии получил имя, упомянутое в следующем стихе:

...И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына. И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз... (Ис. 8, 3)

Это имя содержит целую фразу: «Спешит грабеж, ускоряется грабительство». Имеется в виду скорое ограбление царем ассирийским враждебных Ахазу царств (ср. ст. 4).

Два имени одного младенца

Получается, что младенца, зачатого Исаией в назначенный срок, назвали Магер-шелал-хаш-баз. Почему же прежде Господь повелел:

...И нарекут имя ему: Еммануил. *(Там же, 7, 14)?*

Имя $\text{לְמָנּוּ} \langle \text{Имáну Эль} \rangle$ означает «с нами Бог». Имя младенца объясняется будущим событием, которое предсказано в Ис. 7, 14. Ахаз и весь народ убедятся, что «с нами Бог», когда замыслы врагов полностью расстроятся; а это произойдет ко времени повзросления младенца, который к тому времени «будет разуметь отвергать худое и избирать доброе», «будет уметь выговаривать „отец мой“ и „мать моя“».

Из сопоставления Ис. 7, 14–16; 8, 2–4 и 8, 18 однозначно следует, что описанные события относятся к одному и тому же младенцу, который и назван двумя именами: Еммануил и Магер-шелал-хаш-баз.

Первое имя предвещает спасение Божье от врагов, а второе – угрозу ассирийского вторжения.

Наречение человека двумя именами характерно для целого ряда библейских повествований. Имена были изменены уже у патриарха Аврама и его жены Сары (Быт. 17, ст. 5, 15). Иаков получил новое имя – Израиль, сохранив и старое (Быт. 32, 28; 33, 1). Исав имел и второе

имя – Едом (Быт. 25, ст. 25, 30; 36, 1). Соломон носил второе имя – Иедидия (II Цар. 12, 24–25). Можно привести и другие примеры. Поэтому неудивительно, что и сын Исаии был наречен двумя именами: Еммануил и Магер-шелал-хаш-баз. Под первым из них он еще раз упоминается пророком как представитель того поколения, которому предстоит пережить всю тяжесть ассирийского нашествия:

...За то, что этот народ пренебрегает водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рецином и сыном Ремалииным,

Наведет на него Господь воды реки бурные и большие – царя Ассирийского со всею славою его; и поднимется она во всех протоках своих и выступит из всех берегов своих;

И пойдет по Иудее, наводнит ее и высоко поднимется – дойдет до шеи; и распростертие крыльев ее будет во всю широту земли твоей, Еммануил!
(Ис. 8, 6–8)

Здесь Еммануил упоминается как современник ассирийского вторжения, живущий на той земле, по которой, подобно бурной реке, «разливается» ассирийское воинство. Обратим еще раз внимание на то, что тот же самый младенец называется чуть ранее Магер-шелал-хаш-баз (ст. 3), а здесь – Еммануил. Сомнений в тождестве быть не может.

Еммануил и Иисус

Разберемся теперь, в каком же смысле и для чего упоминает Матфей пророчество Исаии об Еммануиле по отношению к Марии и Иисусу:

А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит:

Се, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог.

(Матф. 1, 22–23)

Мы видели, что во времена Исаии и Ахаза *מַלְאָכָה* «*гальма́*», «молодица», естественным образом зачала и родила ребенка от собственного мужа. К такому же выводу мы, вчитавшись в текст Матфея, пришли и относительно Марии. Однако имена у двух младенцев, разделенных более чем семью столетиями, совсем разные: Еммануил и Иисус.

Чтобы проследить связь между предвещанием Исаии и рождением Иисуса, рассмотрим некоторые виды пророчеств в Священном Писании. Один из таких видов – предсказания, основанные на параллелизме событий, происходящих синхронно. Например, Бог повелел пророку Иеремии спрятать в расщелине скалы льняной пояс, а спустя «многие дни» посмотреть, что с этим поясом случилось. Пояс «испортился» – истлел, и это послу-

жило указанием на испорченность поколения, к которому принадлежал сам пророк:

Ибо, как пояс близко лежит к чреслам человека, так Я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин, говорит Господь, чтобы они были Моим народом и Моею славою, хвалою и украшением; но они не послушались. *(Иер. 13, 11)*

Другой тип пророчеств рассматривает явления, соотносимые диахронно: в таких пророчествах события настоящего времени сопоставляются с событиями прошлого. Например, Захария предсказывает следующее:

И вы побежите в долину гор Моих... как бежали от землетрясения во дни Озии, царя Иудейского... *(Зах. 14, 5)*

Предрекаемое событие в чем-то повторяет то, что произошло в древние времена.

К тому же типу пророчеств относится предвещание о «великом плаче» раскаявшихся колен Израилевых в конце времен:

В тот день поднимется большой плач в Иерусалиме, как плач Гаадриммона в долине Мегиддонской. *(Зах. 12, 11)*

В Меггиддонской долине в свое время потерпело поражение войско иудейского царя Иосии, а сам царь был смертельно ранен, и его оплакивал пророк Иеремия вместе со всем народом (II Пар. 35, 24–25). Столь же великий и всеобщий плач раздастся и в будущем из уст кающихся израильтян...

К приведенным примерам параллелизма принадлежит и «плач Рахили», который Матфей приурочивает к избиению Иродом младенцев:

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов.

Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит:

Глас в Раме слышен, плач, и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет. (*Матф. 2, 16–18*)

Но ведь «плач Рахили», описанный Иеремией, относился к пленению вавилонянами иудеев, живших за шесть столетий до рождества Иисуса! Поскольку уводимые в плен проходили мимо гробницы Рахили близ Вифлеема, душа праматери изображена как рыдающая о судьбе своих потомков и заступающаяся за них пред Богом. И Господь отвечает на ее плач и молитву:

Так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, и возвратятся они из земли неприятельской.

И есть надежда для будущности твоей, говорит Господь, и возвратятся сыновья твои в пределы свои.
(Иер. 31, 16–17)

Почему же Матфей относит это пророчество ко времени злодеяний Ирода? Причина в том, что между событиями двух разных эпох наблюдается параллелизм: как Вавилонское пленение иудеев, так и преступления Ирода сопровождалась «плачем Рахили» – матери, чья душа не однажды в истории заступалась за своих потомков.

Вообще, у Матфея в большинстве ссылок на исполнение пророчеств (за исключением двух случаев – Матф. 21, 4 и 27, 9) имеются в виду не уникальные, но повторяющиеся события и ситуации. О плаче Рахили мы уже сказали. Еще одна ссылка – на исполнившееся пророчество Осии (11, 1) – звучит так:

...Да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: «Из Египта воззвал Я сына Моего».
(Матф. 2, 15)

В данном случае это указание на символическое повторение в жизни Мессии великого исторического собы-

тия – исхода евреев из Египта. В тексте Осии «сыном Господа» называется, в собирательном смысле, весь народ Израиля. Следовательно, согласно толкованию Матфея, исход из Египта, в лице Иисуса, как бы совершается вторично.

Далее об Иисусе говорится:

...И, придя, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что он Назореем наречется. (*Матф. 2, 23*)

Во многих изданиях Синодального перевода имеется ссылка на Суд. 13, 5, где ангел предсказывает рождение будущего судии Израильского – Самсона, который должен стать пожизненным назореем. Если следовать этой ссылке, то событие, произошедшее с Иисусом, является осуществлением определенного прообраза – и, тем самым, как бы тоже происходит «не впервые». Однако же подлинный смысл пророчества об упомянутом здесь событии (то есть поселении Иисуса в городе Назарете, по-еврейски נָצֶרֶת *«Нацэрет»*) связан с наименованием Мессии נֶצֶר *«нэцер»* – «росток», «отрасль» – см. Ис. 11, 1). В греческом языке отсутствует звук «ц», поэтому получившееся по-гречески название «Назарет» (с заменой «ц» на «з») ошибочно сближается целым рядом толкователей с древнееврейским *назир* – «назорей».

Предсказание же Исаии об «отрасли [нэцер] Давида», которая установит мир на всей земле, еще и в наши дни

относится к будущему. Итак, мы вновь имеем дело не с единственной в своем роде, но с повторяющейся ситуацией (в данном случае – с Первым и Вторым пришествиями Мессии).

Это же относится и к Матф 4, 14:

...Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит:

Земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая,

Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет.

(Матф. 4, 14–16)

У Исаии это предсказание «великого света» связывается с крушением мощи ассирийского царя (Ис. 9, 4; 10, 24–27). Однако же в символическом смысле данное пророчество предвещает рождение Мессии (Ис. 9, 6–7). Таким образом, проповедь Иисуса в Галилее – не первый, хотя и самый яркий «великий свет» для жителей этой земли.

В еще большей степени это относится к Матф. 13, 14, где о бездуховных людях сказано следующее:

...И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите,

Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их.

(Матф. 13, 14–15)

Приведенное пророчество Исаии относилось к его современникам (Ис. 6, 9–10: «И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите...»; ср. со стихами 11–13 той же главы). Но оно содержит и куда более обширный смысл, подразумевая бездуховных людей каждой эпохи, в том числе времен самого Иисуса.

Также и пророчество из Псалтири, упоминаемое в Матф. 13, 34–35, может быть отнесено к разным временам и ситуациям:

Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им,

Да сбудется реченное через пророка, который говорит: «Отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира». *(Матф. 13, 34–35)*

Эти слова произносит от собственного лица автор Псалма 77 (или же его устами глаголет Сам Господь, что подчеркнуто в Синодальном переводе: «уста Мои» – с заглавной буквы). Притчами выражали волю Божию все пророки – от самых ранних времен до эпохи Иисуса Христа.

Еще два места из Матфея – 26, 54 и 26, 56 – подразумевают не какое-либо конкретное пророчество, но общий смысл многих предсказаний о Мессии:

...Как же сбудутся Писания, что так должно быть?
(Матф. 26, 54)

Сие же все было, да сбудутся писания пророков...
(Матф. 26, 56)

Мы привели ряд свидетельств из Матфея, доказывающих, что выражение *ἡ ἀπληροθωσίη* «*хίνα плеротόсин*» – «да сбудется [речение]» чаще всего указывает на отражение в жизни Иисуса событий, относящихся ко временам пророков.

Такой же параллелизм мы наблюдаем, сравнивая происходившее во дни Исаии с началом жизни Иисуса. И нам необходимо понять, в чем же именно подобны друг другу эти события.

Мы видели, что прототипом рождения Иисуса Матфей называет то, что произошло с *ἡ ἀλμάρ* – «этой женщицей», женой пророка Исаии, и с их сыном по имени Еммануил. Поскольку же реально живший за семь столетий до Иисуса Еммануил был рожден от отца и матери естественным образом, его происхождение должно было соответствовать и обстоятельствам рождения самого Иисуса. Но в чем же еще проявляется сходство между двумя этими рождениями? В чем состоит осуществленный прообраз?

СХОДСТВО СОБЫТИЙ

Как Еммануил, так и Иисус были «Божьими знаменами» для своих поколений (ср. Ис. 8, 18 с Матф. 12, 39–40).

Первое, бросающееся в глаза, сходство между Еммануилом и Иисусом состоит в наречении им имен «прежде рождения». Перед появлением на свет Еммануила было сказано:

...И нарекут имя ему: Еммануил. *(Ис. 7, 14)*

Это имя, означающее «с нами Бог», имеет пророческий смысл: во всех испытаниях и бедствиях – «с нами Бог», и мы должны уповать на Него. Именно такая вера поддерживала народ Божий и при угрозе нападения соседей – царей Дамаска и Самарии, и в период ассирийского нашествия, и далее – во всей его истории.

Также и перед рождением Иисуса ангел возвестил Иосифу:

...Родит же сына, и наречешь ему имя Иисус, ибо он спасет людей своих от грехов их. *(Матф. 1, 21)*

Как мы уже говорили, полная форма этого имени – ישוע «*Иеѡшӯа*», что означает «Господне спасение». Сокращенная форма – ישו «*Йешӯа*». Имя несет в себе, как и в случае с Еммануилом, пророческое содержание:

спасение от грехов даруется через жертву Мессии всем его последователям. Именно это предсказывал Исаия:

...Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего *было* на нем, и ранами его мы исцелились. (Ис. 53, 5)

Следующая параллель между Еммануилом и Иисусом – в том, что каждый из них родился в трагический период жизни своего народа, после чего, однако, наступило избавление. Как после рождения Еммануила Иудея была спасена от вторжения враждебной коалиции двух царей и получила временную передышку, так и после рождения Иисуса последовала смерть Ирода, и страна была избавлена от его тирании (Ирод, он же Герод Великий, умер в 4 году до н. э.; следовательно, Иисус, рожденный «во дни Ирода», явился на свет ранее 4 года до н. э.). В обоих случаях народу было отпущено время на покаяние (которым он, однако, оба раза не воспользовался). Поэтому и тогда, и теперь вслед за временным облегчением нагрянуло новое, еще более тяжелое бедствие. В эпоху Еммануила оно выразилось в ассирийском нашествии; после же рождения Иисуса Иудея перешла под непосредственное управление Рима, что вызвало новые жестокости по отношению к населению.

Да и дальнейшие события в обоих случаях в какой-то мере дублируют друг друга.

Самостоятельности Израильского царства был положен конец ассирийцами:

...Через шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом... *(Ис. 7, 8)*

Это пророчество исполнилось, когда ассирийский царь Салманассар, захватив все земли Северного царства, завоевал его столицу Самарию и переселил израильтян в Ассирию:

И пошел царь Ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года.

...Взял царь Ассирийский Самарию, и переселил израильтян в Ассирию... *(IV Цар. 17, 5–6)*

Подобная трагедия произошла и с Иудеей при окончании эпохи Второго Храма: вся страна была наводнена римскими войсками, а Иерусалим разрушен...

Мессия и разрушение Иерусалима

Два великих события – явление Мессии и разрушение Иерусалима – объединены в пророчестве Даниила. Ангел Гавриил воззвал к пророку:

«...Итак, вникни в слово и уразмей видение.

Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святый святых...» *(Дан. 9, 23–24)*

Здесь указан точный срок, по истечении которого Мессия принесет свою великую жертву за грехи человечества, как о том же провещал Исаия:

...Ранами его мы исцелились.

...Господь возложил на него грехи всех нас.

⟨...⟩

...За преступления народа Моего претерпел казнь.

(Ис. 53, 5–8)

Число лет, которые пройдут от определенного исторического события до казни Мессии, Даниил опреде-

ляет как «семьдесят седмин», то есть 490 (70×7) лет. От какого же момента следует отсчитывать эти седмины? —

«...Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится *народ* и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена....» (Дан. 9, 25)

Спустя достаточно долгое время после возвращения иудеев из Вавилонского плена (согласно указу персидского царя Кира в 539 году до н. э.) царь Артаксерс решил полностью восстановить стены святого города: «вышло повеление о восстановлении Иерусалима», обстроились «улицы и стены» (ср. Неем. 2, 1–18). Год провозглашения этого указа царя Артаксеркса — 457 до н. э. Прибавив к этому сроку «семьдесят седмин» (490 лет), получаем 34 год н. э., то есть год распятия Иисуса, о чем Даниил далее и возвещает:

«...И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения....»
(Дан. 9, 26)

Заметим, что здесь упомянуты 69 седмин (7 + 62) из семидесяти названных ранее. Последняя, 70-я, седмица – время деятельности самого Иисуса.

Древнееврейское выражение *כרת משיח ואין לו* «*йикарэт Машиах вз-эйн ло*» можно понять двояко: или как «казнен [буквально «отрезан [от жизни]»] будет Мессия, но не за себя» (имеется в виду искупительная смерть Мессии за грехи человечества), или как «казнен будет Мессия и не будет» (подразумевается, что воскресение Мессии как бы «отменяет» его казнь и смерть).

Итак, мы рассмотрели явные черты сходства между Еммануилом и явившимся через семь с половиной столетий после него Иисусом. Именно эти черты сходства позволяют Матфею, а вслед за ним и нам, считать Еммануила прообразом Мессии...

Часть 3

Рождение Иисуса согласно представлениям первохристиан

Иудеохристиане и языкохристиане

Самые ранние иудейские последователи Иисуса известны под именем эвионитов. Их самоназвание עֲבִיּוֹנִים «эвионим» – «нищие» – служило указанием на статус «нищих духом», которым уготовано блаженство (Матф. 5, 3). Выражение «нищие духом» понималось как ессеями, так и эвионитами в значении «жаждущие духовных благ и откровений» (подобно нищим, жаждущим пищи). Кроме того, название «нищие» указывало на их отказ от собственности, обобществление имущества, что было характерно и для дохристианских ессеев:

Все же верующие были вместе и имели все общее.

И продавали имена и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого.

(Деян. 2, 44–45)

Позднее некоторые церковные историки стали утверждать, что основателем эвионитства был некий «лжеучитель» по имени Евион, но это утверждение не кажется большинству исследователей достойным доверия.

Что же касается другого наименования иудейских христиан – назаряне, то оно первоначально обозначало всех последователей Иисуса, который и сам назывался Назореем (Матф. 2, 23; 26, 71; Марк 10, 47; Лук. 18, 37; Иоан. 18, ст. 5, 7; 19, 19; Деян. 2, 22; 3, 6; 4, 10; 6, 14; 22, 8; 26, 9) и учение которого его оппоненты именовали «назорейской ересью». Относительно происхождения слова «назорей» существуют разные мнения, в том числе и возводящие его к названию города Назарета. Иосиф со своей семьей, вернувшись из Египта,

...Поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что он Назореем наречется. *(Матф. 2, 23)*

Уже ранние отцы Церкви и церковные писатели недоумевали относительно этого пророчества, не находя его в Писании. Однако же пророчество, несомненно,

было известным, иначе на него не ссылался бы евангелист. И, действительно, у Исаии читаем:

И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его;

И почует на нем Дух Господень...

<...>

Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине... и духом уст своих убьет нечестивого.

<...>

Тогда волк будет жить вместе с ягненком...

<...>

Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море.

И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники...
(Ис. 11, 1–10)

Описанное здесь мессианское царство (Царство Божие на земле) принесет человечеству полную справедливость, избавит его от зла и неправды, примирит между собой народы, направит деятельность людей к духовному познанию, объединит их вокруг учения «корня Иессеева». Иессеем звали отца Давида, царя Израильского. Мессия – «отрасль от корня Иессеева» – восстановит династию Давида и возглавит ее (см. II Цар. 7, 12–17).

По-древнееврейски «отрасль» – נָצֵר *нэ́цер*, и именно от этого слова, означающего мессианского потомка Давида, происходит прозвище Иисуса – Назорей (древнееврейское *נְאֻרִי* *На́оцири*). Ведь как мы уже упоминали, в греческом языке, на котором до нас дошел Новый Завет, звук «ц» отсутствует и при необходимости передается как «з». Что же касается поселения Иосифа с семьей в Назарете, то древнееврейское название этого города, Нацэрет, служит, по словам Матфея, указанием, что именно в нем поселится «отрасль» (*нэцер*) Давида – Мессия Йешуа га-Ноцири.

Надо сказать, что такие именованья учеников Иисуса, как эвиониты и назаряне, предшествовали греческому самоназванию «христиане», появившемуся (уже после окончания земной жизни Мессии) в сирийском городе Антиохии:

...И ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами. (*Деян. 11, 26*)

Как известно, греческое слово «Христос» является переводом древнееврейского «Маши́ах», означающего «Помазанник [Божий]», «Мессия». Следовательно, «христиане» – «помазанники [Духа Святого]» (перевод еврейского מְשִׁיחִים *мешихим*) или «принадлежащие Мессии» (מְשִׁיחֵי מֶסֶיחַ *мешихийим*).

Община учеников Иисуса, первоначально сосредоточенных главным образом в Иерусалиме, строго соб-

людала все заповеди Торы. Ее последователи принадлежали к «ревнителям Закона [Торы]», на что Павлу, прибывшему в Иерусалим, настойчиво указывали руководители (пресвитеры) общины во главе с апостолом Иаковом:

...Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители Закона.

А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. (*Деян. 21, 20–21*)

Обратим внимание на то, что все претензии к Павлу со стороны столпов Иерусалимской общины относятся к его якобы «антиномизму» – отрицанию обязательности Закона Моисеева для иудеев.

Притом, как видим, идеологическое напряжение между иудейскими христианами и Павлом (основанное на ложных слухах и на неправильном понимании учения Павла) возникло уже на очень раннем этапе существования Церкви. Впоследствии это привело часть эвониотов к отвержению Павла, что стало одним из оснований для того, чтобы позднейшие учителя и отцы языкохристианства объявили иудейских христиан еретиками.

При этом одной из важнейших причин разлада между первоначальной общиной учеников Иисуса и языкохристианской церковью стало отрицание иудейски-

ми христианами «безмужнего зачатия» Марией сына. И это же «безмужнее зачатие» стало одной из главных основ языкохристианства.

...Чтобы Павел мог примириться с Иерусалимской общиной и снять с себя ложные обвинения, Иаков с пресвитерами советуют ему:

Сделай же что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет.

Взяв их, очистишь с ними и возьми на себя издержки на *жертву* за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать Закон. (Деян. 21, 23–24)

Из сказанного следует, что сам Павел некогда дал обет назорейства, выразившийся внешне в отращивании длинных волос, и теперь «разрешился от обета», срок которого истек (ср. Числ. 6, 13–19). Павел исполнил полученный от столпов общины совет – и этим показал, что и сам он «ревнитель Закона» (там же, ст. 26).

Выше мы показали, что вопросы, связанные с рождением Иисуса, резко отличали иудеохристианскую церковь от языкохристиан и вызывали у последних вражду к эвионитам, приведшую впоследствии к полному отлучению этих «еретиков» от господствующей церкви. При этом языкохристианские авторы постоянно критикуют эвионитов и назарян, ставя им в вину со-

блюдение Закона Моисеева. Интересно, что решение Иерусалимского собора, возглавлявшегося апостолами Иаковом, Петром и Иоанном, о том, что обращающимся в христианство язычникам не следует навязывать обрезание и исполнение всех предписаний Торы (в то время как относительно иудеев необходимость следования Торе, как сама собой разумеющаяся, даже не обсуждалась – см. Деян. 15, 1–29), в позднейшей церковной традиции было переосмыслено «с точностью до наоборот»: теперь именно иудеи, верные Закону Божьему (Торе) и желающие жить в соответствии с Евангелием, объявлялись злостными «иудействующими еретиками».

Ириней Лионский об эвионитах

Хотя описания учения иудеохристиан сохранились у древних церковных писателей в довольно краткой форме, зато в этих описаниях переданы главные отличия взглядов первоначальной общины учеников Иисуса от более поздних – языкохристианских – доктрин.

Так, знаменитый ересиолог Ириней Лионский (II–III вв.) сообщает об эвионитах в своей книге «Обличение и опровержение лжеименного знания», в числе прочего, следующее:

Эвиониты... в отношении к Господу [то есть Иисусу. – Д. Щ.]... того же мнения, как Керинф и Карпократ... Относительно пророческих писаний, они стараются объяснять их замысловато; совершают обрезание, соблюдают обряды Закона и образ жизни иудеев...
(Книга 1, 26, 2)¹

Что именно разумеется под «мнениями Керинфа и Карпократа», Ириней объясняет несколько ранее. Так, «мнение Карпократа» он передает такими словами:

¹Здесь и далее цитируется по изданию: *Против ересей. Доказательство апостольской проповеди* / Св. Ириней Лионский. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2010.

Иисус... родился от Иосифа и был подобен прочим людям, но отличался от них тем, что его твердая и чистая душа хорошо помнила то, что она видела в сфере нерожденного Отца... *(Там же, 1, 25, 1)*

О «мнении Керинфа» Иринеи сообщает следующее:

Иисус, говорит он, не был рожден от девы (ибо это казалось ему невозможным); но, подобно, как и все прочие люди, был сын Иосифа и Марии, и отличался от всех справедливостью, благоразумием и мудростью. И после крещения сошел на него от превысшего Первого Начала Христос в виде голубя; и потом он возвещал неведомого Отца и совершал чудеса; наконец, Христос удалился от Иисуса, и Иисус страдал и воскрес; Христос же, будучи духовен, оставался чужд страданию. *(Там же, 1, 26, 1)*

Изложенные им «мнения Керинфа и Карпократа» Иринеи, как сказано, отождествляет с учением эвионитов.

Он сообщает также интересную деталь относительно восприятия эвионитами сакральных текстов, в число которых входят все священные книги иудейства – Тора, Пророки и Писания:

Относительно пророческих писаний, они стараются объяснять их замысловато. *(Там же, 1, 26, 2)*

Несомненно, речь идет об аллегорических, символических и мистических толкованиях Писания, столь характерных для раннего христианства в целом. Это, в частности, получило отражение во множестве апокрифов апокалиптического и эсхатологического характера, немалая часть которых дошла до наших дней.

Следует также обратить внимание на сказанное Иринеем, что эвиониты

...Поклоняются Иерусалиму, как будто он был домом Божиим. *(Там же, 1, 26, 2)*

Храм в Иерусалиме был разрушен в 70 году – более чем за столетие до Иринейя. Однако же ранние христиане, подобно остальным иудеям, продолжали почитать развалины Храма (в том числе знаменитую Стену Плача) и обращаться во время молитвы к месту, где стоял Храм. Вспомним в связи с этим молитву царя Соломона при освящении построенного им Храма:

Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем...

<...>

И когда они в земле, в которой будут находиться в плену, войдут в себя, и обратятся, и будут молиться Тебе...

И когда обратятся к Тебе всем сердцем своим и всею душою своею... и будут молиться Тебе, обра-

тившись к земле своей, которую Ты дал отцам их, к городу, который Ты избрал, и к Храму, который я построил имени Твоему,

Тогда услышь с неба... молитву и прошение их и сделай что потребно для них... (*III Цар. 8, 30–49*)

Такая, восходящая к Писанию, общеиудейская практика молитвы в сторону Иерусалима и Храма позже была заменена языкохристианским обычаем молиться на восток – в сторону восхождения Солнца (ср. *Иез. 8, 16*).

Заметим, что отношение к иерусалимскому Храму у представителей первохристианской общины сильно отличалось от такового же у ессеев Кумрана. Известно, что часть ессеев отказалась не только от участия в храмовом служении (из-за беззаконий официального священства), но и от храмового культа как такового, включая жертвоприношения животных. Напротив, последователи Иисуса активно участвовали в храмовых служениях, пример чему мы видели выше: Павел, по настоянию Иакова и пресвитеров общины, участвовал в обряде очищения назореев (*Деян. 21, 23–26*). Общее же отношение учеников Иисуса к Храму описано Лукой так:

И пребывали всегда в Храме, прославляя и благословляя Бога... (*Лук. 24, 53*).

То же повторено в книге Деяний:

И каждый день единодушно пребывали в Храме...
(Деян. 2, 46)

Вероятно, поступая так, иудеохристиане подражали самому Иисусу и ссылались на его известные слова о том, что нельзя клясться ничем, в том числе

...Иерусалимом, потому что он город великого Царя... (Матф. 5, 35)

Итак, Иисус назвал Иерусалим «городом великого Царя», то есть самого Бога, и слово Учителя не может быть отменено. Заметим, что усердное почитание иерусалимского Храма отличало и «предхристиан», следы чего сохранились преимущественно в Евангелии от Луки (1, 5–23; 2, ст. 22–39, 41–49 и др.).

Упоминание об эвионитах содержится у Иринея также и в разделе, посвященном пришествию и воплощению Иисуса Христа:

...Несправедливо некоторые из ныне осмелившихся излагать Писание толкуют так: «Вот молодая женщина во чреве зачнет и родит сына», как истолковали Феодотион, родом из Ефеса, и Акила из Понта, оба иудейские прозелиты. Им следуя, эвиониты говорят, что он родился от Иосифа.
(Книга 3, 21, 1)

Это сообщение интересно ссылкой на два греческих перевода Исаии, осуществленных около 130 года (Акила) и 180 года (Феодотион). Однако вряд ли ранние иудеохристиане пользовались греческими переводами: живя в Палестине и говоря по-еврейски, они читали пророчества в оригинале, поэтому вывод Иринея относительно того, что эвиониты в своих воззрениях «следовали» упомянутым переводчикам, представляется малообоснованным. Скорее, сами названные переводчики придерживались учения иудеохристиан, сложившегося столетием ранее.

Еще в одном месте своего сочинения Иринея утверждает, что духовный человек

...Будет судить эвионитов: как они могут спастись, если совершивший их спасение на земле не есть Бог? И каким образом человек перейдет в Бога, если Бог не перешел в человека?.. *(Книга 4, 33, 4)*

Далее Иринея старается опровергнуть мнение иудеохристиан об Иисусе Христе рядом образов и примеров.

Наконец, снова упоминая об эвионитах, Иринея повторяет осуждение их взглядов в следующих словах:

Безрассудны также эвиониты, которые не принимают в свою душу верою соединения Бога и человека, но пребывают в старой закваске (плотского) рождения...

Итак, они отвергают соединение небесного вина и допускают только воду мирскую, не принимая Бога в соединение с собою, а пребывая в Адаме, побежденном и изгнанном из рая... (*Книга 5, 1, 3*).

Под «старой закваской плотского рождения» Ириней подразумевает утверждение иудеохристиан о том, что Иисус родился естественным образом – от отца с матерью. Интересно, что цитируя слова Павла о «старой закваске», сказанные по совсем другому поводу (I Кор. 5, 7–8), Ириней, возможно, «проговаривается», называя «старой закваской» учение более раннее, первоначальное.

Евсевий Кесарийский об иудеохристианах и их учении

Перейдем теперь к тем сведениям об иудеохристианах и их учении, которые содержатся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, именуемого также Памфилом (III–IV вв.). Евсевий приписывает появление эвионитов проискам «мирового демона», который якобы

...Нашел слабую сторону у людей и забрал их в свое владение...

Представление их о Христе было убого и низменно. Они считали его простым человеком, как все, который за одну свою нравственную высоту признан праведником.

Родился он от брачного общения Марии и ее мужа. Нужно полностью соблюдать обряды, требуемые Законом; по их мнению, одной верой во Христа и жизнью по вере они не спасутся. (*Книга III, 27*)¹

Здесь тоже кратко, но точно и емко изложены основные отличия иудеохристианства от взглядов господствующего языкохристианства, причем подчеркивается

¹Здесь и далее цитируется по изданию: *Церковная история* / Евсевий Кесарийский. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2013.

«скудость» учения иудеохристиан. Наряду с описанными выше эвионитами, Евсевий упоминает и иную разновидность иудеохристианства (в других источниках называемую «учением назарян»):

Другие, наряду с ними носящие то же имя, упомянутых нелепостей избежали.

Они не отрицают, что Христос родился от Девы и Духа Святого, но заодно с первыми не признают предвечного существования Христа, Слова и Премудрости Божией; эти тоже свернули в нечестие первых, тем более что они так же старательно выполняли все требования обрядового Закона.... читали только так называемое «Евангелие от евреев», а остальными книгами пренебрегали.

Хранили, подобно иудеям, субботу и другие иудейские обычаи, но чтили, почти как мы, Господние дни и память спасшего нас Воскресения. Потому и получили они прозвание «эвионитов», указывающее на нищету их разума: ведь у евреев так зовут нищих. *(Книга IV, 27)*

Характерная черта «другой» группы иудеохристиан, здесь описанной, – вера в «непорочное зачатие», но с оговоркой: эта группа, как и первая, не признает предвечного бытия Христа. Что же касается дальнейшего описания, оно, как представляется, характеризует иудеохристианство в целом. Это касается и предпочте-

ния, отдаваемого «Евангелию от Евреев», сходному, по всей видимости, с первоначальным семитским текстом Евангелия от Матфея. Понятно, что те книги Нового Завета, которые были написаны в оригинале по-гречески, иудеохристиане ценили менее – «пренебрегали» ими; более точный перевод выражения Евсевия: «мало почитали». Однако, чтобы хотя бы «мало почитать» их, иудеохристиане, конечно, должны были ознакомиться с этими книгами. Следует заметить, что «пренебрежением» Евсевий, в данном случае, мог считать несогласие эвионитов с теми толкованиями, которыми снабжали упомянутые тексты языкохристиане, а отнюдь не с самими текстами. Такое и впоследствии часто случалось в истории христианства: адепты той или иной идеи обвиняли своих оппонентов в «пренебрежении» к священным речениям, если те понимали их иначе.

В конце рассматриваемого нами текста Евсевия приводится еще одно отличие «другой» группы от первой: почитание, кроме суббот и остальных библейских праздников, еще и «Господних дней», то есть дат, связанных с новозаветными событиями. Эвиониты, по словам Евсевия, чтили их «почти как мы». Под «почти», возможно, имеется в виду празднование новозаветных дат не по римскому юлианскому календарю, но по традиционному лунно-солнечному иудейскому. При этом новозаветные даты должны были совпадать с праздниками, предписанными Торой: например, Тайная вечеря отмечалась иудеохристианами одновременно с Песахом

(иудейской Пасхой). Следует вспомнить, что еще в IV веке христианская Пасха у малоазийских «квартадецимонов» («четырнадцатников») выпадала на 14 Нисана по иудейскому календарю. Новозаветная Пятидесятница, день сошествия Святого Духа, праздновалась через 50 дней после иудейского Песаха, одновременно с праздником Шаву́т – днем дарования Богом Десяти Заповедей.

...Вернемся теперь к пояснению Евсевия относительно соблюдения эвионитами всего Закона Моисеева:

...По их мнению, одной верой во Христа и жизнью по вере они не спасутся. *(Там же, 27)*

Но ведь сформулированное здесь положение полностью совпадает со сказанным апостолом Иаковом в его каноническом Послании:

Кто соблюдает весь Закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем.

...Если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник Закона.

<...>

Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?

<...>

...Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе.

<...>

Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? (*Иак. 2, 10–24*)

Иаков, брат Иисуса, возглавивший общину после ухода Учителя, говорит о соотношении веры и дел точно так же, как эвиониты, упоминаемые Евсевием. Несмотря на это, взгляды последних получают у церковного историка весьма негативную оценку...

Традиционно принято противопоставлять приведенному учению Иакова – мнение Павла, который, казалось бы, совсем иначе оценивает соотношение между «верой и делами»:

Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел Закона. (*Римл. 3, 28*)

Однако у Павла речь идет об оправдании верой от **прежних греховных дел**, то есть о покаянии. Иаков же говорит о **спасении души** посредством веры и исполнения заповедей. Иначе говоря, Павел ведет речь о **прошлом** человека, уверовавшего в Иисуса, а Иаков – о его **будущем**.

Свидетельства об иудеохристианах Епифания Кипрского, Феодорита Кирского и других ранних авторов

Перейдем к свидетельствам других ранних церковных писателей об иудеохристианстве.

Знаменитый «сектовед»-ересиолог Епифаний Кипрский (IV–V вв.) более подробно пишет об эвионитах, настаивая на реальном существовании основателя их учения – некоего Евиона (именем со значением «нищий» вряд ли назвали бы еврейские родители сына в любую эпоху; однако, возможно, Евион – не имя, но прозвище). Епифаний утверждает, что «ересь» образовалась после разрушения римлянами Иерусалима в 70 году. Однако нам известно, что именно в это время община иудейских последователей Иисуса бежала из Иерусалима и переселилась в Заиорданье, в город Пеллу.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Иисус предсказал, что при осаде Иерусалима у его учеников появится возможность бежать из города и спастись:

Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его:

Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него... (Лук. 21, 20–21)

А значит, покинуть осажденный город будет возможно! Это в точности исполнилось, когда осада была временно снята, и все, уверовавшие в пророчество Иисуса о гибели города, воспользовались «удачным моментом» (а на самом деле – предсказанной Иисусом помощью Божией) и покинули Иерусалим, удалившись за Иордан, в Перею. Об этом Евсевий Памфил пишет:

...Люди, принадлежавшие к иерусалимской церкви, повинувшись откровению, данному перед войной почтенным тамошним мужам, покинули Иерусалим и поселились в Перее, в городе Пелле; уверовавшие во Христа выселились из Иерусалима; вообще все святые оставили столицу Иудеи... (*Книга III, 5*)

Так что появление «ереси эвионитов» после 70 года полностью совпадает с переселением общины иудеохристиан, бежавших в 70 году из Иерусалима. А из этого следует, что *эвиониты были тождественны первоначальной Иерусалимской церкви.*

Епифаний также утверждает, что назарянство предшествовало собственно эвионитству и было «более умеренным» по своим взглядам («Панарион», 30, 1, 4–7). Третьей стадией развития «ереси» Епифаний считает соединение эвионитства с особым ответвлением гностицизма, основанным «пророком» Элксаем в начале II века (там же, 30, 3). Рассказывая о священных для эвионитов писаниях, Епифаний говорит:

Имеют же они у себя самое полное Евангелие от Матфея на еврейском языке. Ибо у них оно достоверно сохраняется в том именно виде, как написано в начале еврейскими письменами; не знаю же, еретики ли сами уничтожили в нем родословия от Авраама до Христа. (*«Панарион», 30, 9*)¹

Оказывается, эвиониты – единственные, кто сохранил Евангелие от Матфея в его древнееврейском оригинале! Остальные ответвления раннего христианства – языкохристиане – были знакомы только с переводами: греческим, сирийским, коптским... Свидетельство Епифания о том, что эвиониты «имеют... самое полное Евангелие от Матфея», – бесценно. О подлинном смысле его слов мы можем только догадываться, ведь они вызывают предположение, что греческий перевод Матфея не был полон, содержал купюры... Впрочем, Епифаний сообщает и о том, что еврейский текст Матфея, использовавшийся «еретиками», не включал в себя родословие Иисуса (Матф. 1, 1–17). Последнее для нас очень важно: неминуем вывод, что саму историю рождения Иисуса (Матф. 1, 18–25) исходный текст содержал! А значит, она должна была пониматься эвионитами в духе их учения о рождении Мессии от обоих земных родителей!..

¹Здесь и далее цитируется по изданию: *Творения / Епифаний Кипрский.* – М. : Изд-во МФТИ, 1999.

Еще об одном источнике учения эвионитов сообщает Феодорит Кирский (IV–V вв.): это апокрифическое Евангелие от Петра («О ересях», II, 2). А значит, эвиониты включали в состав священных писаний и тексты, объявленные позднее апокрифическими, – можно думать, что они обладали первоначальными, то есть древнееврейскими или арамейскими, списками ряда новозаветных апокрифов.

Помимо перечисленных, об эвионитах писали и другие раннехристианские авторы – Ориген, Ипполит, Тертуллиан, Юстин Мученик. Однако их сообщения не содержат существенных дополнений к сказанному выше.

Следует еще остановиться на кратком изложении Евсевием Кесарийским мнения эвионитов о предвечном существовании Христа: они, как он пишет,

Не признают предвечного существования Христа, Слова и Премудрости Божией... (*Книга III, 27*)

Но как же такое могло быть? Ведь, например, в Притчах Соломона содержится описание Премудрости Божией (חכמה <хохма́>, חֵכְמוֹת <хохмо́т>), участвовавшей в сотворении мира. Притом Премудрость там не только персонифицирована, но и обращается к людям с обширной проповедью, начинающейся словами «Я, Премудрость...» (Прит. 8, 1–36; 9, 1–6). В то же время, как мы помним, эвиониты чтити все книги Священного Писания. По свидетельству Епифания, они

...Пользовались не только Новым, но и Ветхим Заветом, как и иудеи; не были отвергаемы ими Закон, Пророки и все Писания у иудеев... (*«Панарион», 29, 7*)

Все священные книги иудейства – Закон, Пророки, Писания – почитались эвионитами. Поэтому они не могли не знать и о монологе Премудрости в Притчах Соломона – а значит, должны были признавать и предвечное существование Премудрости Божией, вопреки тому, что приписывает им Евсевий. То же относится и к якобы отрицанию ими Слова Божьего и его предвечности: ведь уже в 1-й главе Книги Бытия описывается творение Богом вселенной посредством Слова!

Поэтому мы предполагаем, что сказанное Евсеем относится исключительно к учению эвионитов о природе Иисуса: эвиониты отказывались отождествлять его человеческую природу с предвечными Словом и Премудростью Божиими, – с предвечным Христом, как он понимался иудеохристианами.

Вспомним, что согласно учению последних, горний Христос, или, что то же, Дух Святой, сошел на Иисуса только в момент его крещения в Иордане. Излагая эту точку зрения «еретиков», Ириней, как мы помним, говорит:

И после крещения сошел на него от превысшего
Первого Начала Христос в виде голубя...
(*Книга 1, 26, 1*)

Различая Христа как предвечное Слово Божье и Иисуса как праведного человека, иудеохристиане были последовательны в своих воззрениях и поэтому не могли отрицать «предвечное существование Христа, Слова и Премудрости Божией» (Евсевий, III, 27). Они, однако, не отождествляли эти Божественные начала (древнееврейское פנים *Панím* – «Лица», или «Ипостаси», как они именуются в традиционной христианской теологии) с человеческой природой Иисуса.

Обратим внимание также на следующее замечание Епифания:

Не принимают они [эвиониты] целого Моисеева Пятикнижия, но некоторые речения отвергают.
(«Панарион», 30, 18)

Это замечание необходимо сравнить со сказанным в другом месте тем же Епифанием:

...Не были отвергаемы ими Закон, Пророки и все Писания иудеев. (Там же, 29, 7)

Думается, что под «отвержением» некоторых речений Пятикнижия Епифаний, как и Евсевий, подразумевает, опять же, несогласие эвионитов с языкохристианским пониманием упомянутых мест Писания.

Интересно также сообщение Епифания, что эвиониты пользовались не только Евангелием от Матфея. В числе

источников их вероучения он упоминает также Евангелие от Иоанна и Деяния Апостолов (Евангелие от Иоанна, в свете новых открытий кумрановедов, могло быть первоначально написано по-еврейски).

Кроме того, у эвионитов были тексты, восходящие к апостолу Иакову, – возможно, также и каноническое Послание этого апостола («Панарион», 30, 23).

Епифаний упоминает и о полном вегетарианстве современных ему эвионитов, так что даже пасхальный агнец отсутствовал у них при воспоминании Тайной Вечери (30, 22). Не совершали они и других жертвоприношений животных, воспринимая соответствующие предписания Торы духовно и символически. Впрочем, с разрушением Храма и все иудейство в целом вынуждено было отказаться от приношения жертв, так как их позволено было совершать только и исключительно в иерусалимском Храме:

Берегись приносить всесожжения твои на всяком месте, которое ты увидишь;

Но на том только месте, которое изберет Господь, в одном из колен твоих, приноси всесожжения твои...
(*Втор. 12, 13–14*)

Исходя из сказанного, мы не можем однозначно ответить на вопрос: воздерживались ли эвиониты от мяса вследствие особых, только им свойственных, убеждений (ср. I Кор. 8, 13) или же из-за разрушения Храма.

К другим обычаям эвионитов, упомянутым Епифанием, относится совершение «таинства причастия» (вкушение опреснока и вина в воспоминание о страданиях Мессии) только однажды в год – во время иудейской пасхальной трапезы (седера). Интересно, что вино при этом заменялось водой (30, 16, 22). Последнее также может объясняться скорбью о разрушенном Храме, в связи с чем многие иудеи отказывались от мяса и вина, пока Храм не будет вновь отстроен.

Епифаний упоминает и о частых омовениях эвионитов. Это сближает их с «ессеями-гемеробаптистами» («ежедневно омывающимися»), однако же христианский автор видит в этих омовениях «повторяющиеся крещения» (30, 16).

Очень интересен также текст Епифания, согласно которому учение Иисуса настолько потрясло сердца и души эвионитов, что «основателю их учения Евиону» приписывалось такое высказывание:

Какая мне нужда читать в Законе по пришествии Евангелия? *(Там же, 30, 18)*

Изречение выглядит весьма странным именно в устах эвионита, ведь последних характеризует как раз особая приверженность к Торе и понимание глубокой связи между Ветхим и Новым Заветами.

Мы видим, что не все сведения относительно иудеохристиан, донесенные до нас ранними церковными

писателями, взаимно согласуются. И это неудивительно, поскольку эвиониты во всех упомянутых источниках описываются **извне**, притом с враждебных позиций языкохристианства. Источники, излагающие их историю и мировоззрение **изнутри** и передающие истинную суть их взглядов – в большинстве своем до нас, к сожалению, не дошли. Исключение составляют «Климентины» – знаменитый раннехристианский апокриф, в котором излагается существенная часть воззрений иудеохристианства. Этот источник еще ждет своего перевода на русский язык.

Обобщая учение эвионитов, как оно изложено раннехристианскими историками, отечественный исследователь Л. И. Писарев говорит:

...По учению Евиона, Иисус по природе и рождению есть простой человек, сын Иосифа и Марии, по нравственному совершенству – Сын Божий, по благодати усыновления и избрания – Христос, по Своей миссии и предназначению – пророк истины.¹

Итак, к главным чертам учения иудеохристиан-эвионитов мы должны отнести их верность как Торе, так и Евангелию, которое понималось ими в полном согласии с Торой, Пророками и Писаниями...

¹ *Очерки из истории христианского вероучения патристического периода* / Писарев Л. И. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2009. – С. 102–103.

Один из Двенадцати. Об Иуде Искариоте

Несовместимые взгляды

За два тысячелетия, отделяющих нас от земной жизни Иисуса, об Иуде Искарите написано немало. Особенно в последние десятилетия явилось на свет множество исследований, в которых высказываются взгляды самые разные, порой совершенно несовместимые. Этот рост интереса к фигуре апостола-предателя, к его жизни, мировоззрению и прежде всего – к его роли в земной судьбе Иисуса связан, в числе прочего, с недавним открытием текста Евангелия Иуды, записанного в IV веке на коптском папирусе. Евангелие Иуды было известно древним учителям Церкви и причислялось ими к «отреченной» (апокрифической) литературе. Лишь в наши дни значительная часть текста (хотя и с многочисленными лакунами) стала доступна всем, кто интересуется древним христианством.

Хотя оценка самого Иуды и его поступка в этом евангелии проблематична (сохранившиеся фрагменты текста не позволяют сделать однозначный вывод о положительном или отрицательном отношении Иисуса к Искариту), следует особо отметить, что и здесь ученик именуется предателем («предал Иисуса»).

Мы упоминаем об этом в связи с желанием некоторых исследователей представить Искарита «невинным и оклеветанным» – он, мол, не был на самом деле предателем, все это якобы домысел (или даже прямой подлог) позднейших цензоров и компиляторов... Ни в коей

мере не соглашаясь с такой точкой зрения, мы придерживаемся мнения авторов евангелий и других текстов Писания, считая их слово абсолютно авторитетным для верующих. А ведь новозаветные источники не только в один голос называют Искариота предателем, но и содержат сведения о его нечестности, обвиняют в воровстве! В них описание его внутреннего состояния, качеств его души не расходится с общеизвестной оценкой его «главного поступка».

Приводя все свидетельства и факты из Писания, относящиеся к данной теме, мы, однако, сосредоточиваем внимание на **самых целях и намерениях ученика-предателя.**

Перед читателем – ряд вопросов, задаваемых один за другим с целью прояснить истину, содержащуюся во всей совокупности новозаветных повествований. Только приведение в гармонию всех данных о жизни Искариота, почерпнутых из канонических текстов, позволяет, по нашему мнению, достичь целостного, лишенного противоречий понимания истинной роли этого апостола в судьбе Иисуса.

Итак, мы принимаем версию отношений между Иисусом и Искариотом, которая основана на полном доверии к каждому слову Священного Писания. Цель исследования – выяснение исторической, психологической и духовно-мистической истины, составившей подоплеку широко известных евангельских событий. Задавая вопросы, мы ищем наиболее логичные, обоснованные

духом и буквой Библии ответы на них. Таким путем мы стараемся разрешить «великие противоречия» повествований об Иуде. К числу этих «великих противоречий» относится вопрос о мотивах Искарриота: чем руководствовался ученик, который, самолично узрев множество чудес и получив величайшие дары и обетования, отказался от всего этого и довольствовался взамен жалкой суммой в 30 серебреников?

Рассматриваются и такие проблемы: по какой причине ученик имел возможность безнаказанно воровать в присутствии всевидящего Учителя? Как мог ученик после того, как «вселился в него сатана» (то есть он стал одержимым), по-прежнему уверенно управлять собой и совершать осмысленные поступки, достигая поставленной цели? И почему дух зла, будучи в своем роде «мудрым и разумным» и зная древние пророчества, все же «упустил из виду», что казнь Мессии приведет к искуплению грехов и к освобождению душ из ада? Мы разбираем также те места евангелий и апостольских Писаний, где Иуда получает негативные характеристики – обвиняется в алчности, воровстве, неверности, и где ему предрекается величайшее горе.

Ответы на перечисленные выше вопросы и выводы, к которым мы приходим в ходе исследования, удивительны и неожиданны. Они позволяют совершенно иначе, чем это было до сих пор, увидеть глубину отношений между Иисусом и Иудой и понять ту уникальную роль, которую призван был сыграть в мессианских событиях ученик-предатель Иуда Искариот...

Подчеркнем, что нас интересуют все подробности деятельности Искариота, всё сказанное о нем в канонических книгах Нового Завета – прежде всего, конечно, в четырех евангелиях. Отрывочные сведения о нем встречаются также в Деяниях Апостолов. Во всем своде названных текстов наш основной интерес привлекает вопрос о глубинном, таинственном смысле призвания (миссии) и всей деятельности этого ученика Иисуса.

В ходе исследования нам приходится игнорировать исторически сложившийся вокруг его имени и жизни ореол проклятий и отлучений, дистанцироваться от огульных обвинений его в «подлости и вероломстве», «безмерном корыстолюбии и крайней жадности», «одержимости и безумии» и даже «сознательном союзе с дьяволом».

Подобные взгляды на Иуду не только проистекают из чрезмерно буквального, «отрывочно-мозаичного» восприятия новозаветных повествований, но нередко и сознательно утрируются писателями и исследователями. О причинах и целях такого утрирования – от психологических до социальных, от религиозно-националистических до политических – мы предоставляем судить и писать другим.

Впрочем, имеется ряд произведений – от эссе до солидных научных трудов, – авторы которых оправдывают Искариота, отрицая при этом, как мы сказали, историческую достоверность канонической версии его жизни.

Например, существует версия предательства, сторонники которой считают Искарриота убежденным зелотом-сикарием, то есть членом повстанческого движения за освобождение Иудеи от римской оккупации. «Зелот» означает «ревнитель», а «сикарий» – «кинжальщик» (поскольку зелоты терроризировали римлян и их пособников из числа иудеев, внезапно пронзая их в толпе кинжалами). Само прозвище «Искарриот» приверженцы данной теории связывают с греческим словом *сикарий*, а не с древнееврейским *לוי קרי שׁׁן* «*лви Кериот*» – «муж из [селения] Кериот», или же – «человек-противник», «идуший наперекор» (от *קרי* «*кэри*» – «идти против», «противодействовать»; ср. Лев. 26, 21–28). Предательство Искарриота, по этой версии, было вызвано желанием побудить Иисуса к решительным действиям против римлян и покорного им Синедриона. Одновременно якобы сикарии хотели спровоцировать народное восстание в ответ на арест Учителя властями.

Другие сторонники подобной точки зрения полагают, что Искарриот хотел вынудить Мессию перейти от чудес в области «умножения хлебов» к чудесам избавления страны и народа, к делу политического восстановления Царства Божьего на земле. Учителю, поставленному в безвыходное положение после взятия под стражу, якобы ничего не оставалось, кроме как «явиться в силе». Такая теория опирается, помимо прочего, и на тот факт, что апостолы, включая Искарриота, хорошо знали пророчество Исаии о грядущем заключении Мессии в узы

и суде над ним (Ис. 53, 7–8). Правда, в этом же тексте Исаии говорится и о казни, погребении и последующем воскресении Мессии (там же, ст. 8–12), что уже никак не вписывается в план «предательства ради побуждения к действию»!

Наконец, существует версия, интерпретирующая историю Искариота совсем в ином ключе. Согласно ей, Иуда предстает верным и преданным учеником, исполняющим тайную волю Учителя. Эта версия встречалась уже в некоторых раннехристианских апокрифах, упоминаемых в трудах церковных апологетов – Иринея Лионского, Епифания, Ипполита. В XX веке отголоски подобных воззрений слышны в творчестве Борхеса («Три версии предательства Иуды»). В русской поэзии такой взгляд ярко выражен в стихотворении Максимилиана Волошина «Иуда Апостол»:

...И никто из одиннадцати не понял
Что сказал Иисус,
Какой Он подвиг возложил на Иуду
Горьким причастием.

Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем соборе Парижской Богородицы
И воскликнул:
«Боже, верю глубоко,
Что Иуда – Твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял

Бремя всех грехов и позора мира,
Что, когда Ты вернешься судить землю,
И померкнет солнце от Твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужасе звезды,
Встанет он, как дымный уголь, из бездны,
Опаленный всею проказой мира,
И сядет рядом с Тобою!
Дай мне знак, что так будет!»

В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
Руку Иуды.

Уже завершив работу над текстом этой книги, автор был приятно удивлен, обнаружив сходство некоторых мыслей, в ней содержащихся, с мнением выдающегося исследователя христианской гносеологии Е. С. Полякова в его труде «Одна версия предательства Иуды» (Москва : Крафт, 2004, глава «Иисус и Иуда»). Это относится к интерпретации «удержания сатаны» апостолом и к некоторым другим темам. Такое созвучие понимания радует, приводя на память слова библейской заповеди: «При словах двух свидетелей... состоится дело» (Втор. 19, 15).

Итак, переходим к поиску ответов на вопросы об Иуде, возникающие при чтении новозаветных текстов.

Что приобретал и чего лишился предатель?

Начнем наши вопросы со следующего: мог ли Иуда действительно прельститься денежной наградой – пресловутыми 30 серебряниками – и ради нее предать Наставника?

Чтобы ответить на этот вопрос, поразмыслим о том, кем был Иисус в глазах Искарриота. Предположим даже, что Искарриот руководствовался предельным эгоизмом и мыслил исключительно в рамках собственной выгоды. Что же он в этом случае приобретал, оставаясь верным Иисусу, и что терял, предавая его?

Прежде всего, надо вспомнить об обещании Учителя двенадцати апостолам, что они в грядущую мессианскую эпоху («в пакибытии» – то есть в мире будущем) «сядут судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19, 22). Они «примут Царство», то есть разделят с Мессией власть над обновленным, спасенным от греха и смерти земным миром (Лук. 22, 29–30). Одним из Двенадцати, получивших столь грандиозные обетования, был Искарриот. И он имел все основания полностью доверять словам Учителя. Ведь, как мы уже упоминали, он убедился в способности Мессии воскрешать мертвых, ходить по водам, умножать материальные сущности и совершать многие другие чудеса! Мало того, и сам

Искарриот получил от Иисуса дар чудотворения, в том числе и способность исцелять и воскрешать (Матф. 10, 5–8). И если бы этот ученик, пусть даже лелея одни лишь корыстные интересы, обладал хоть малой частицей разума, – разве променял бы он близость к Царю и звание одного из его ближайших придворных на жалкую сиюминутную материальную выгоду? Для этого нужно было не иначе как впасть в безумие! А подобного об Иуде никто и никогда не предполагал, и никаких оснований для этого Евангелие не дает...

Итак, при каких обстоятельствах и чего ради Иуда прельстился бы «серебрениками» и предал бы ради них того, благодаря кому имел шанс необыкновенно возвыситься и несказанно обогатиться?

Стремления князя тьмы

Чтобы разобраться в мотивах поступка Иуды, зададим следующий вопрос: в чем, согласно евангелиям, заключалась цель злого духа по отношению к Иисусу? Обычно на этот вопрос отзываются уже заранее готовым, «классическим» ответом: конечно, сатана хотел избавиться от Сына Божьего, восторжествовать над ним, предав его мучительной смерти. Мол, именно козни дьявола, осуществленные через нечестивых людей, и возвели Иисуса на Голгофский крест... Но так ли это?

Священное Писание представляет сатану «весьма мудрым и разумным» в его замыслах и действиях (Быт. 3, 1; Иез. 28, 3–6). В Книге Иова он посещает Самого Бога, сообщает Ему о том, что происходит на земле, и получает соответствующие повеления (Иов. 1, 7–12). Он же в Книге Захарии, стоя пред ангелом Господним, с мастерством прокурора обвиняет Израиль и Иерусалим в грехах, причем останавливает его только прямой запрет Самого Господа (Зах. 3, 1–2).

Не случайно в Книге Иезекииля «царь Тирский», в образе которого толкователи многих веков видели олицетворение сатаны, назван великим мудрецом! Там он изображается как «помазанный херувим», обитавший прежде своего падения в саду Божьем и ходивший «меж огнистых камней»:

...Вот, ты премудрее Даниила, нет тайны, сокрытой от тебя... (Иез. 28, 3)

Да и новозаветные описания «князя мира сего» свидетельствуют о его особой «злой мудрости», о том хитром коварстве, с каким подходит он к людям, желая ввести их в соблазн. Достаточно вспомнить историю искушения дьяволом в пустыне самого Иисуса (Матф. 4, 3–11).

Теперь зададим новый вопрос: неужто, будучи столь «мудрым на зло» и предвидя будущий ход событий, князь тьмы действительно мог жаждать публичной мученической смерти Сына Божьего? Неужели он даже не подозревал, что такая смерть не может быть напрасной, не может пройти бесследно для его – «бога века сего» (II Кор. 4, 4) – власти и влияния? Что казнь Мессии призвана будет нанести ему и его власти страшный удар? Ведь сам Иисус заявлял открыто и неоднократно своим ученикам, что именно в Иерусалиме Сын Человеческий будет унижен, поруган и предан смерти, но затем воскреснет! И прямо предсказывал даже способ своей казни, соотнося себя с ветхозаветным медным змеем, вознесенным на шест (Иоан. 3, 14).

Неужели враг, присматривавшийся к Сыну Божьему с его младенческого возраста, внимательно следя за каждым его шагом и словом, мог пропустить все это мимо ушей? Неужели он не разумел, что предсказанные заранее смерть и воскресение Мессии, о которых век за

веком пророчествовали Давид, Исаия, Осия, Даниил и другие вестники Божии (ср. Пс. 21, 1–28; Ис. 53, 1–12; Дан. 9, 24–27; Ос. 6, 1–3), связаны напрямую с искуплением грехов и с выведением грешников из ада, то есть с крушением владычества дьявола?!

Мог ли он не предугадывать всего этого? Смешно думать, будто столь прозорливый дух не исследовал прежние Писания (цитаты из которых он приводил в полемике с Иисусом в пустыне – Матф. 4, 5; Лук. 4, 9–11), что он не расслышал слов Мессии, сказанных его ученикам, и не замечал множества чудес Иисуса!

А если понимал и сопоставлял (что несомненно), то какой же напрашивается вывод? Разве не такой: злой дух, если бы только у него оставалась свобода действий, предпринял бы все от него зависящее, чтобы не допустить публичной казни Иисуса, не позволить дальнейшему ходу событий завершиться Голгофой! И не рассчитывал ли он с этой целью использовать наиболее «надежный» способ влияния – воздействие на одного из ближайших учеников Мессии, как и было предсказано в древних пророчествах?

Кто над кем получил власть?

Не проясняется ли из всего сказанного выше **необходимость для Иисуса лишить врага свободы действий**, чтобы тот не мог помешать жертвенной, искупительной смерти Мессии за грехи человечества, его дальнейшему сошествию во ад и, наконец, триумфальному воскресению и вознесению на небеса?

И не здесь ли коренится необходимость в помощи того ученика-соратника, который возьмет на себя роль «удерживающего» сатану – «примет его» в себя и будет в состоянии определенное время «держатъ взаперти», сам не подвергаясь при этом разрушительным воздействиям князя тьмы?

И не пришлось ли ради этого Иисусу воспитать особо одаренного, таинственно наставленного и сверхъестественно подготовленного апостола?

Как известно, во время Тайной вечери Иисус подал Иуде Искариоту кусочек хлеба (имеется в виду маца – пасхальный опреснок), после чего в Иуду «вошел сатана» и прозвучали слова Учителя: «...что делаешь, делай скорее» (Иоан. 13, 27). Иуда тотчас вышел из дома Тайной вечери и направился к своим «заказчикам» – окружению первосвященника Каиафы, чтобы оповестить их о месте, где Иисус будет проводить остаток ночи. Он привел воинский отряд, подвластный первосвященнику, в Гефсиманию – для ареста Иисуса (Иоан. 18, 3–13).

Описываемым событиям предшествуют переговоры Иуды с членами Синедриона, которым он несколькими днями ранее предложил выдать Учителя, за что и получил знаменитые тридцать серебряников (Матф. 26, 14–16).

Казалось бы, все взаимосвязано, логично, все точки над *i* в этой истории проставлены – как в событийном, так и в нравственно-психологическом плане. Но это только на первый взгляд. Достаточно более пристально взглянуть в изложенное, как у нас возникнет целый ряд новых – неожиданных, весьма «неудобных» и даже шокирующих вопросов, которые, раз задавшись ими, уже «не обойдешь – не объедешь».

И вот первый из них. После поданного Иисусом Иуде куска хлеба (опреснока) в Искариота «вошел сатана». Не какой-нибудь «мелкий бес», а сам «князь мира сего» – вождь и начальник всей нечистой силы, всего темного мира! Об этом у Иоанна (13, 2), а также у Луки (22, 3) сказано четко и ясно. Все повествования об изгнании бесов Иисусом (Матф. 9, 32–33; 17, 14–18; Марк. 7, 25–30; Лук. 4, 33–35; 8, 27–35; 9, 38–42; 11, 14) говорят однозначно и единогласно, что человек, одержимый бесом, теряет власть над собой, будучи захвачен силой, намного его превосходящей. Ведь он непременно «беснуется» – ведет себя агрессивно, падает на землю, трясясь и дергаясь, и т. п. – в общем, поступает совершенно неадекватно, во вред себе и другим! И окружающие вынуждены применять к нему строгие сдерживающие

меры – например, сажать на цепь (Марк. 5, 3; Лук. 8, 29). В Ветхом Завете подробно описано поведение царя Саула, который, будучи (в наказание за послушание Бога) одержим злым духом, метал копье в Давида и даже в собственного сына Ионафана (I Цар. 20, 33). Разве не следует из всего этого, что человек, одержимый нечистым духом, лишен возможности управлять собственным поведением, совершать сколько-нибудь осмысленные поступки? А уж тем паче это должно относиться к тому, кто одержим самим князем демонов – сатаной!

Но ведь именно в таком положении и оказался Иуда после вкушения хлеба, поданного Иисусом. Как же тогда смог он сознательно исполнить повеление Учителя: «... что делаешь, делай скорее»?

И еще: как мог человек одержимый, то есть не владеющий собой, раскаяться в своем грехе и отказаться от полученных за предательство денег, бросив их в Храме? Разве нечистый дух, взявший над ним власть, мог допустить подобное?

И где говорится, что этот дух, войдя в Иуду, хоть на миг покидал его – вплоть до трагической развязки его земной жизни? Если же ученик действовал по своей воле и имел внутреннюю силу для публичного покаяния, кто же над кем властвовал? Злой дух над человеком – или человек над ним?

Иными словами – неужели злой дух, войдя в Иуду, оказался в ловушке, попал в капкан, из которого в течение определенного времени не мог выбраться? Ина-

че крайне трудно теологически обосновать и психологически объяснить приведенные эпизоды.

Не значит ли сказанное, что Иуда обладал некой особой, беспрецедентной духовной силой, позволявшей ему, «удерживая в себе» злого духа, сохранять полный контроль над своими волевыми импульсами, разумом, эмоциями – и, конечно, поступками? Выходит, что он, в отличие от всех прочих одержимых, вместив в себе сатану, покорил и обезвредил его, оставаясь полностью свободным и не позволяя внутреннему врагу помрачить его разум и руководить его действиями!

Но кем же могла быть сообщена Иуде эта невиданная, несравненная способность – «удерживать в себе» врага, постоянно беря над ним верх и не поддаваясь его внушениям и воздействиям? Кем же другим, как не самим Иисусом, была дарована (или развита в нем) такая сила?!

Силки, сеть, капкан?

Итак, из сказанного следует, что во время всех событий, непосредственно направлявших Иисуса к Голгофе, – от Тайной вечери до распятия, – дьявол был обезоружен, «заключен» в Искарите и лишен силы противодействовать искупительному подвигу Иисуса. И потому в Гефсимании, когда отряд воинов Синедриона, ведомый Иудой, уже приближался – Иисус возвестил ученикам: «...идет князь мира сего и во мне не имеет ничего» (Иоан. 14, 30). Каков сокровенный смысл приведенных слов? Не в том ли он, что князь мира сего в этот момент был «заключен» и «удержан» в Искарите, который и подходил к Учителю во главе отряда? «Во мне не имеет ничего» – это, несомненно, означает, что злой дух был теперь совершенно бессилен воспрепятствовать Иисусу завершить его спасительную миссию!

«Позвольте, – возразит кто-то из читателей, – но ведь об Искарите мы еще кое-что знаем из Евангелия, и разве приведенная там его характеристика не предшествует описанию предательства?» Совершенно верно. Об Иуде дополнительно сообщается еще нечто. Говорится, что он был недоволен, когда женщина в доме Симона возлила драгоценное миро на голову и ноги Иисуса (Иоан. 12, 3; Матф. 26, 7). И свое недовольство Иуда сопроводил репликой: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?»

(Иоан. 12, 5). Это сообщение евангелист сопровождает таким замечанием: «Сказал же это не потому, чтобы заботился о нищих, а потому, что был вор. Он имел *при себе денежный* ящик и носил, что туда опускали» (Иоан. 12, 6). Так что же, ход наших предыдущих размышлений относительно истинных отношений между Иисусом и Иудой неверен? Получается, что в свете сообщения Иоанна Искариот не мог быть тем наиболее наставленным в мистическом опыте учеником, которому Иисус доверил самое сложное задание – пленить и «удерживать в себе» сатану?

Такой вывод представляется нам преждевременным. Для начала заметим, что довольно трудно, а точнее, невозможно, воровать деньги из общинной кассы, да и вообще совершать что-либо тайком на глазах у того, кто внутренним оком видит всё! В присутствии такого Учителя, от которого невозможно скрыть не только дела, но и мысли. А в том, что Иисус именно таков, Искариот ведь имел возможность убедиться многократно. В Евангелии ясно и определенно сказано о способности Иисуса читать мысли и отвечать на них прежде, чем они будут высказаны. Ведь не напрасно говорится, что он не нуждался в посторонних свидетельствах о ком-либо, ибо «сам знал, что в человеке» (Иоан. 2, 25). Как же при этом Иуда мог воровать деньги из ящика?

Но, с другой стороны, рассказ евангелиста Иоанна, любимого и доверенного ученика Иисуса, не может вы-

зывать сомнений. А Иоанн однозначно утверждает, что Иуда воровал! Как же разрешить это противоречие?

Выше мы пришли к заключению, что Иисусу необходимо было, особым образом подготовив Искарриота, «заманить злого духа в силки». Однако не надлежало ли Учителю для этого прежде «заморочить» врага? Не следовало ли «обвести его вокруг пальца» относительно Иуды, чтобы последний предстал в глазах князя тьмы как его будущий пособник? Явное, циничное нарушение Искарриотом заповеди «не кради» представляло его в глазах сатаны как хитреца и нечестивца. И получается, что, будучи инспирировано Учителем, такое поведение смогло провести самого «отца лжи» (Иоан. 8, 44)!

И разве не в таком же ключе можно интерпретировать слова Учителя, подразумевающие Искарриота: «...один из вас диавол» (Иоан. 6, 70)?

Конечно, тут возникает новый вопрос: неужели возможно сбить с толку самого дьявола? Но на это дает ответ вся история святости на земле – житийная литература, описывающая пути и деяния праведников. Если бы «обмануть зло» было в принципе невозможно, разве сумел бы хоть один человек, «отвергая зло и избирая добро», продвигаться «узким путем» к Царствию Божьему?

Итак, не является ли зафиксированная в новозаветных источниках (особенно в Евангелии от Иоанна) «дурная репутация» Искарриота тем мудрым средством

обмануть «отца лжи», которое и было применено Мессией и его учеником?

Был ли Иуда Искариот заранее предназначен к столь высокой и необычной миссии? И если обо всех членах Церкви сказано, что Бог изначально избрал их, прежде создания мира предопределив миссию каждого (Еф. 1, 4–5), не относится ли это тем более к ближайшим ученикам Мессии – к тем Двенадцати, которые соответствуют двенадцати патриархам – сыновьям Иакова? Разве не к каждому из них в отдельности относится обетование Учителя: «...в пакибытии... сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19, 28)?

Точное исполнение пророчеств

Само число полученных Искарриотом монет (серебренников) имело особое значение. Оно упоминается в пророчестве Захарии за 500 лет до евангельской эпохи:

...И они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников.

И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище – высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял я тридцать сребреников и бросил их в дом Господень для горшечника. (*Зах. 11, 12–13*)

В этом предсказании явлены прообразы новозаветных событий. В нем дважды встречаются формы глагола «бросать» – «брось их [серебренники]» и «я бросил». Вспомним, что Иуда, после осуждения Иисуса на казнь,

...Раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам...

<...>

И, бросив сребреники в Храме, он вышел... (*Матф. 27, 3–5*)

Так осуществилось пророчество Захарии:

...Бросил их в дом Господень... (Зах. 11, 13)

Именно бросил, и именно в Храме! Что же тогда значит: «для горшечника» (там же)? Евангелие повествует, что, посоветовавшись, распорядители Храма купили на эти деньги «землю горшечника для погребения иностранников» (Матф. 27, 7).

Потратить же нечистую «цену крови» на покупку чего-либо, связанного со священнослужением, Закон запрещал. Почему купили именно «землю горшечника»? Из такой земли добывали глину, а глинистая почва мало пригодна для земледелия и поэтому стоит недорого.

Почему же Господь Бог говорит, что в тридцать серебряников «оценили Его Самого»? –

...Высокая цена, в какую они оценили Меня!
(Зах. 11, 13)

Дело в том, что отвержение царского посланника рассматривается как оскорбление, нанесенное самому царю. В данном случае Царь вселенной обвиняет тех, кто отверг Его посланника, Мессию, в том, что они как бы Его Самого – Господа Бога – «оценили в 30 серебряников». Ясно, что определение этой суммы как «высокой цены» следует воспринимать иронически...

Но с чем же связана сама сумма, указанная в пророчестве? Прежде чем ответить, снова вспомним, что Искариот полностью раскаялся:

Тогда Иуда, предавший его, увидев, что он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам,

Говоря: согрешил я, предав кровь невинную...

(Матф. 27, 3–4)

Многие ли из тех, кто из выгоды предавал палачам невинных, каялись, подобно Иуде, и отказывались от «заработанных» денег?

Но если Иуда действовал по прямому указанию Иисуса и в полном согласии с ним, тогда и его публичное раскаяние, и бросание денег в Храме, и слова о «грехе против невинной крови», – все это было прямо рассчитано на реакцию присутствующих. Не призвано ли было такое его поведение возвестить начальству и всему народу о жертве, приносимой невинным Мессией за виновных и грешных (ср. Ис. 53, 4–5)? Не имел ли в виду Иуда, говоря о своем грехе («согрешил я, предав кровь невинную»), побудить и самих начальников, обвинивших Мессию, присоединиться к его покаянию?

Теперь – о числе тридцать. В Торе есть такое предписание:

Если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями. *(Исх. 21, 32)*

Смерть чужого раба, которого забодал вол, обходилась хозяину вола в тридцать серебряников. В то же время, именно вол приносился в жертву за грехи как первосвященника, так и всего народа (Лев. 4, 3 и 13–14; в Синодальном переводе – «телец»). Таким образом, вол символизирует грех как таковой, убивающий человека. Мессия же взял на себя грехи всего мира и принял наказание за них. Об этом Иоанн Креститель возвещал так:

Вот Агнец Божий, который берет *на себя* грех мира.
(Иоан. 1, 29)

Поэтому тридцать серебряников, выплачиваемые за убитого волом раба, по глубоко мистическим причинам составляют и «цену Мессии», который «возмещает» перед Богом своей жертвой плату за грехи рода человеческого...

К Искариоту относятся и другие пророчества, связанные с миссией его Учителя. Так, апостол Петр ставит в связь с Иудой пророчество Давида, записанное в Псалтири:

...Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святой устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса...

<...>

В книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст и да не будет живущего в нем; и: достоинство его да примет другой. (*Деян. 1, 16–20*)

Петр разъясняет эти слова как указание на необходимость заменить Иуду другим учеником – для дополнения числа двенадцати апостолов.

Рассмотрим подробнее приведенное выше пророчество. Слова, цитируемые Петром, находим в двух псалмах – 68-м и 108-м. В первом из них говорится о злодеях, замысливших извести праведника и причинивших ему великое зло. В лице этого праведника легко узнается сам Иисус, страдания которого Давид подробно предвидел за тысячу лет до того, как они совершились:

И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом.

<...>

Излей на них ярость Твою, и пламень гнева Твоего да обымет их.

Жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих.

...Помощь Твоя, Боже, да восставит меня.

<...>

Увидят *это* страждущие и возрадуются. И оживет сердце ваше, ищущие Бога. (*Пс. 68, 22–33*)

Здесь описаны и страдания жаждущего Иисуса на кресте, когда воин поднес ему на копье губку с уксусом (Иоан. 19, 28–30; Матф. 27, 48), и грядущее его воскресение из мертвых («помощь Твоя, Боже, да восставит меня»), и оживляющая сила его учения («оживет сердце ваше, ищущие Бога»). В этом контексте и приводятся цитируемые апостолом Петром слова:

...Жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих... (Пс. 68, 26)

Мы видим, что в псалме эти слова отнесены к тем, кто причинил зло Праведнику. Поскольку же Петр говорит специально об Искариоте, он относит приведенное изречение только к одному лицу:

Да будет двор его пуст и да не будет живущего в нем... (Деян. 1, 20)

Таким образом, это предсказание отнесено Петром к Искариоту как к одному из виновных в смерти Мессии.

Второе же пророчество, приводимое Петром, имеет еще более непосредственное отношение к судьбе Искариота:

...Достоинство его да примет другой.
(Деян. 1, 20)

Это цитата из 108-го псалма, где гонимый праведник молит о том, чтобы его преследователей настигло возмездие. Особенно выделяется один из гонителей, о наказании которого праведник просит:

Поставь над ним нечестивого, и диавол да станет одесную его.

Когда будет судиться, да выйдет виновным, и молитва его да будет в грех;

Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой. (Пс. 108, 6–8)

Последнюю часть пророчества как раз и цитирует апостол Петр. В ней описывается беззаконник, преследующий невинного благочестивца. Как соотносится это описание с положением Искарюта, после смерти которого Петр предложил восполнить число Двенадцати – чтобы «достоинство» (в древнееврейском оригинале псалма כבוד *кэкудá* – «назначение», «чин», «сан») его «взял другой»? Соотносится, как видим, прямо и непосредственно. На освобожденное место избрали по жребию Матфия (из числа 70 учеников), который «был... свидетелем воскресения его [Иисуса]» (Деян. 1, 22).

Обратим внимание, что в 108-м псалме двумя стихами выше о враждующем против Праведника говорится:

Поставь над ним нечестивого, и диавол да станет одесную его. (Пс. 108, 6)

Эти слова псалмопевца сам Иисус приводит как предсказание своей грядущей участи (Иоан. 13, 18).

Итак, сатана мог действовать, «опираясь» на приведенные пророчества из псалмов 108-го и 40-го, которые говорят об измене близкого, любимого человека.

Согласно приведенным текстам из Псалтири, те, кто стали врагами Праведника, видели с его стороны только любовь и добро – такая ситуация полностью приложима к предательству Учителя ближайшим учеником. В 40-м псалме описывается «человек мирный», который, однако, пожелал погрязнуть Праведника – «поднял на меня пяту». В древнееврейском тексте здесь – *וְיָשׁוּב שׂוֹנֵא עָלַי שֵׁנִי* – «человек мирный», то есть находящийся со мной в братском союзе (в Синодальном переводе – «человек мирный со мною»). А это в еще большей степени может относиться к другу-ученику.

Обратим внимание, что в обоих этих псалмах есть указание на особую роль дьявола в описываемых событиях. Так, в псалме 108 «руководящая роль» сатаны символизируется его нахождением по правую сторону («одесную») беззаконника:

...И диавол да станет одесную его. (Пс. 108, 6)

Подобно тому, как Бог в этом же псалме

...Стоит одесную бедного, чтобы спасти его...
(Пс. 108, 31),

так и сатана «стоит одесную» преступника. В обоих случаях «стоящий одесную» имеет полную власть над человеком: Бог – спасает, а сатана – губит... Кроме того, есть еще одно уточнение: тот же злой дух («нечестивый») поставлен «над» врагом Праведника, то есть господствует над ним, направляет его:

Поставь над ним нечестивого... (Пс. 108, 6)

В 40-м же псалме прямо упоминается Велиал – одно из имен злого духа, по-древнееврейски означающее «лишенный высоты», «не восходящий» или же «сброшенный иго». Как главный противник Христа, Велиал (или «Велиар») упоминается в посланиях Павла:

...Что общего у света с тьмою?

Какое согласие между Христом и Велиаром?..

(II Кор. 6, 14–15)

В 40-м псалме ненавистники Праведника надеются, что именно «слово Велиала» (темное заклятие, замысел злого духа) станет причиной того, что Праведник «не встанет более», то есть погибнет (ст. 9).

Но неужели князь тьмы строил свои планы, используя тексты Писания, опираясь на них? Да, уже пророкам и евангелистам было известно, что это так! Выступая против всего Израиля – народа Господня или же против отдельных праведников, дух-обвинитель ссылается на

заповеди, нарушенные людьми (см. Зах. 3, 1–2; Иов. 1, 6–11). Вспомним, что и в пустыне, искушая Иисуса, он «основывается» на стихах из Писания, приводя их в подкрепление своих доводов (Матф. 4, 6). Выходит, что, пытаясь использовать мессианские пророчества в своих целях, дьявол только выжидал момент, когда ему представится возможность овладеть одним из ближайших учеников Мессии!

Чего же он намеревался добиться посредством этого ученика? Нам остается только догадываться и строить предположения. Он мог пытаться, например, уговорить Иисуса «пожалеть себя», как однажды уже пробовал через Петра (Матф. 16, 23); мог «вмешаться» в чудеса, творимые Мессией, чтобы дать его недругам новый повод для его обвинений: вспомним их утверждение, что Иисус якобы действует «силой князя бесовского» (Матф. 9, 34); мог способствовать заключению Мессии под стражу, чтобы лишить его возможности воздействовать на людей; мог настроить врагов Иисуса на убийство исподтишка – путем своего рода «теракта». В общем, враг мог добиваться самого разного, чтобы избежать одного-единственного: публичной казни Праведника! Ведь именно такая казнь, согласно пророчествам, давала Иисусу прямую возможность взять на себя всеобщий грех – и искупить его!

Смешение чистого с нечистым

Какой же момент выбрал сатана, чтобы войти в Искариота, который, как мы видели, уже заранее был выбран им в качестве нечестивца, склонного к предательству? Известно, что наиболее широко открыты для воздействия темных сил те ситуации, когда нечистое вторгается в сферу чистого, оскверненное – в область сакрального.

Одним из самых святых обрядов, предписанных Торой, было вкушение пасхального агнца, совершаемое в память исхода израильтян из египетского рабства (Исх. 12, ст. 14–17, 42). Именно пасхальную трапезу вкушал Иисус с двенадцатью учениками, когда протянул Иуде кусочек хлеба (опреснока) – Матф. 26, 18–23; Иоан. 13, 21–27. Не очистившие себя перед праздником не допускались к вкушению этой величайшей святыни. Для неочистившихся даже был назначен другой день вкушения агнца – через месяц после общего празднования (Числ. 9, 9–11).

И вот именно во время Тайной вечери («тайной» она названа, поскольку община Иисуса совершала пасхальный обряд втайне от окружающих, по ессейскому, а не по фарисейскому календарю – на день раньше, чем большинство находившихся в Иерусалиме – ср. Матф. 26, 18–20 с Иоан. 19, ст. 14, 31) Искариот, по замыслу Учителя, должен был прийти в такое состояние, чтобы

в него мог войти сатана. Для этого он внутренне «сыграл роль» отступника и предателя – очевидно, соответственно настроив мысли и чувства.

Сколь же огромную выдержку и какие особые умения должен был проявить в этот момент ученик! Какой самоотверженностью сопровождалось «принятие в себя» сатаны, сопряженное с непредставимыми для нас страданиями! Как подготовился к такой жертве Искарриот – и как ему удалось безропотно и преданно эту жертву принести?

О том, что ученик к этому времени уже всецело вошел в роль предателя, свидетельствовал сам Иисус такими словами:

...Вот, рука предающего меня со мною за столом...
(Лук. 22, 21)

Не значит ли это, что Искарриот уже целиком и полностью сосредоточился на мыслях о предательстве? Не описано ли в приведенных словах Иисуса именно внутреннее состояние Искарриота? Как же сумел ученик в совершенстве сыграть роль «предающего» – скрыть внутреннюю верность и чистоту за завесой темного замысла, злых намерений?

Как раз такое сочетание несовместимого – святости и злодейства, верности и отступничества, сакрального таинства и оскверненности сердца – и позволило князю тьмы войти в Искарриота.

Вчитаемся снова, как это произошло. На вопрос припавшего к его груди любимого ученика (Иоанна) о том, кто же предатель,

Иисус отвечал: тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту.

И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее.

(Иоан. 13, 26–27)

Обмакивание хлеба (пасхального опреснока) в блюдо с растертыми в воде горькими травами (מרור <марóр>) составляло центральный обряд сакральной трапезы. Опреснок («хлеб бедности», которым питались в египетском рабстве) обмакивался в *марор*, символизирувавший горькую жизнь поработенных, – это была кульминация воспоминаний о тех страданиях, от которых Господь избавил народ. Обряд обмакивания должен был сопровождаться особо благоговейным настроением, вознесением Богу благодарности за исход из Египта. Вот в этот самый момент Искариот, по всей видимости, и сумел сознательно наполнить свое сердце совершенно противоположными мыслями и чувствами, давая тем самым возможность сатане осуществить свой замысел.

Но как же тогда понимать сказанное у Иоанна:

И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать его...
(*Иоан. 13, 2*)?

Ведь из этих слов следует, что замысел предательства не только предшествовал «вхождению» сатаны в Иуду Искариота (что произошло чуть позже – там же, ст. 26–27), но и был «вложен в его сердце» дьяволом! Да и о своем предательстве Иисуса ученик договорился с религиозными властями заранее, о чем свидетельствуют синоптики (Матф. 26, 14–16; Марк. 14, 10–11; Лук. 22, 3–6). При этом Лука сообщает:

Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа Двенадцати,
И он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как его [Иисуса] предать им.
(*Лук. 22, 3–4*)

Это случилось ранее Тайной вечери (согласно церковному преданию, на той же неделе). Следовательно, злой дух еще до «куска хлеба», поданного Иисусом, уже «пробно» вселялся в Искариота. Очевидно, что о том же идет речь и у Иоанна:

И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце... Искариоту... (*Иоан. 13, 2*)

В сердце – «уже вложил», но сам-то внутри ученика не остался! Иначе не нужно было бы вновь «входить» ему после поданного учителем опреснока.

Итак, затруднение остается: ведь ясно сказано, что мысль о предательстве «вложил в сердце Иуде» дьявол! Как же можно это соотносить с поручением Иисуса «удерживать» в себе злого духа, не поддаваясь его внушениям?

Однако спросим: разве же текст Евангелия подтверждает согласие ученика с той «версией» предательства, которую предложил ему дьявол? Мы уже говорили о том, что злой дух менее всего хотел жертвенной смерти Мессии. И не заключено ли прямое подтверждение этого в эпизоде «искушения» Иисуса апостолом Петром? –

С того времени Иисус начал открывать ученикам своим, что ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин, и первосвященников, и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

И, отозвав его, Петр начал прекословить ему: будь милостив к себе, Господи! да не будет этого с тобою!

Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от меня, сатана! ты мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. (*Матф. 16, 21–23*)

В этом эпизоде Иисус, почувствовав влияние сатаны на мысли и слова апостола, обратился прямо к злому духу, отгоняя его.

Из приведенного ясно, что сатана желал именно воспрепятствовать казни Мессии в Иерусалиме, а не способствовать ей.

Но, коль скоро это так, какой же вариант замысла о предательстве «вложил в сердце Иуды» враг людей? И как ученик противостоял ему?

Мы помним, что, покинув дом Тайной вечери (Иоан. 13, 30), Искарriot сразу направился за «отрядом воинов и слугителей от первосвященника» и привел этот отряд в Гефсиманский сад, где Иисус с апостолами проводил остаток ночи (Иоан, 18, 1–3; Матф. 26, ст. 36, 45–50).

Зачем же Иуда привел воинов? Неужели только для того, чтобы указать место, где находился Иисус, и выдать его? Но ведь за Учителем, несомненно, давно уже была установлена постоянная слежка властей, и поэтому очередной этап предательства со стороны Иуды представляется излишним.

Постараемся детально ответить на этот вопрос.

Два заговора¹

Как мы помним, Мессии, согласно его собственному пророчеству, надлежало быть «вознесенным от земли» подобно медному змею, созданному Моисеем для исцеления народа (Числ. 21, 5–9):

И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому,
Дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную. *(Иоан. 3, 14–15)*

Смысл этого «вознесения» проясняется в таких словах Иисуса:

И когда я вознесен буду от земли, всех привлеку к себе.
Сие говорил он, давая разуметь, какую смертью он умрет. *(Иоан. 12, 32–33)*

Именно взойдя на крест и взяв на себя грехи мира, Мессия стал исцелять души людей, подобно тому, как медный змей исцелял народ телесно. Следовательно, мученическая смерть Иисуса должна была происхо-

¹Изложенная ниже версия «двух заговоров» против Иисуса принадлежит Р. П. Дименштейну, которому автор приносит благодарность.

дить публично – при большом стечении народа, на глазах у всех. Это – непрменный признак Мессии, довершающий его символическое сходство с медным змеем.

В то же время, среди обладавших властью противников Иисуса существовали две партии, по-разному предлагавшие расправиться с ним. Если одни хотели осудить его на собрании Синедриона и предать казни легально, то другие предпочли бы убить его тайно – «не на глазах у народа», боясь мятежа и бунта его последователей и приверженцев:

...И положили в совете взять Иисуса хитростью и убить;

Но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе. (*Матф. 26, 4–5*)

Этот же замысел религиозных властей Лука описывает так:

...И искали первосвященники и книжники как бы погубить его, потому что боялись народа. (*Лук. 22, 2*)

По всей видимости, этот план «взять хитростью», «погубить», «но только не в праздник» сложился у тех же ненавистников Иисуса, которые и ранее пытались побить его камнями:

Тогда взяли камень, чтобы бросить на него; но Иисус скрылся... *(Иоан. 8, 59)*

Именно этих своих врагов Учитель и обличал в том, что они желают убить его – неожиданно, внезапно, «теперь»:

...Ищете убить меня, потому что слово мое не вмещается в вас...

<...>

Теперь ищете убить меня, человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога...
(Иоан. 8, 37–40)

План «хитрого», тайного убийства Иисуса упоминается у Луки как раз в связи с договором Иуды Искариота с окружением Каиафы:

...И искали первосвященники и книжники как бы погубить его, потому что боялись народа.

Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа Двенадцати,

И он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками как его предать им.

Они обрадовались и согласились дать ему денег;

И он обещал, и искал удобного времени, чтобы предать его им не при народе. *(Лук. 22, 2–6)*

Само слово «погубить» в этом контексте воспринимается как указание на совсем иной способ расправы, нежели «легальный» (хотя и неправый, преступный) суд – и «законное» (хотя, по сути своей совершенно незаконное) предание осужденного Иисуса на расправу римским властям.

Многое говорит именно о таком замысле врагов Иисуса – убить его «не при народе». Весьма похоже, что злой дух и готовил Мессии описанную выше участь – смерть в результате тайного убийства. Однако Иуда Искариот, в сердце которого дьявол «вложил» предать Учителя в руки наемных убийц, перехитрил «человекоубийцу и отца лжи» (Иоан. 8, 44). Казнь Мессии свершилась как раз публично – «при народе» и «в праздник» – накануне Пасхи, когда огромное число паломников уже собралось в Иерусалиме. Произошло ровно то, чего так старались избежать враги Мессии!

И главную роль в этой «перемене сценария» сыграл Иуда Искариот, взявший с собой в Гефсиманию храмовую стражу, приведший Иисуса во двор первосвященника и вынудивший таким образом Каиафу провести сначала ночную «репетицию» суда над Иисусом (Матф. 26, 57–68), а затем и «законный» процесс его осуждения – после восхода солнца:

И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели его в свой Синедрион... (Лук. 22, 66)

Не такой ли последовательностью действий удалось ученику исполнить повеление Учителя: «Что делаешь, делай скорее» (Иоан. 13, 27)? И не были ли слова Иуды Искариота «Радуйся, Равви!» (Матф. 26, 49) тайным оповещением об удачно произведенном им «повороте событий» в нужную сторону? Ведь именно теперь Мессия мог во всем уподобиться медному змею, вознесясь на крест и даря исцеление душам всех веков и народов!

Уста Мессии

В Гефсимании и совершилось «явное» предательство, сопровождаемое знаменитым поцелуем Иуды. На этот поцелуй Иисус отозвался следующими двумя вопросами:

...Друг, для чего ты пришел? (*Матф. 26, 50*)

и:

...Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого? (*Лук. 22, 48*)

Не несут ли в себе оба вопроса, заданные Иисусом, сокровенный смысл? Назвать предателя «другом» – не говорит ли уже это о многом? В столь трагический момент уместны ли сарказм или ирония? А «последнее воззвание к совести ученика», как пытаются охарактеризовать упомянутые слова Иисуса некоторые комментаторы, разве не было бы запоздалым и бессмысленным после уже совершенного предательства?

И вопрос Иисуса о «предательстве целованием» не намекает ли на нечто еще более важное? Не призван ли он обратить внимание окружающих на необычность ситуации? И нельзя ли вопросительную форму высказывания интерпретировать как сомнение в самом **факте**

предательства: «Действительно ли предаешь, если при этом целуешь?» И не содержится ли здесь особый намек на глубинный смысл происходящего?

Для чего же понадобился пресловутый поцелуй? С какой целью ученик прикоснулся к устам Учителя? Ведь можно было и как-нибудь по-другому указать воинам на Иисуса...

Устам Мессии в пророческих Писаниях отводится особая роль. У Исаии сказано, что Мессия – «отрасль от корня Иессеева» –

...Жезлом уст своих поразит землю и духом уст своих убьет нечестивого. *(Ис. 11, 4)*

Иоанн Богослов так описал вознесенного Иисуса, явившегося ему во славе своей:

...Из уст его выходил острый с обеих сторон меч...
(Откр. 1, 16)

Это перекликается с другим пророчеством Исаии о Мессии:

...Господь...
Соделал уста мои, как острый меч... *(Ис. 49, 1–2)*

Дух, исходящий из уст Мессии, и есть тот «меч», которым он смиряет и побеждает врагов:

...Сражусь с ними мечом уст моих. (Откр. 2, 16)

Во время финальной эсхатологической битвы с силами зла Мессия описывается так:

Из уст же его исходит острый меч, чтобы им поражать народы... (Откр. 19, 15)

Независимо от того, понимать ли все эти описания «уст Мессии» буквально – как свидетельства его несокрушимой силы, или же в переносном смысле – как образы победы его Учения, «в устах» Сына Человеческого заключена несравненная, чудотворная сила...

Итак, возвратимся к вопросу о поцелуе Иуды: зачем понадобилось ученику на миг соединить свои уста с устами Учителя? Не затем ли, чтобы получить новый заряд духовной мощи – и нанести удар сатане, которого он все еще «содержал в себе», и который, по всей видимости, рвался в это время выйти из-под власти апостола? Должен же был князь тьмы уже понять к тому моменту, что дело принимает оборот, совершенно не согласный с его замыслами! Вот он и предпринимал те «атаки изнутри», отразить которые могло только «дыхание уст» Мессии. Ведь как раз посредством дыхания сообщил впоследствии воскресший Иисус своим ученикам новую духовную силу:

Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого:

Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся. (*Иоан. 20, 22–23*)

...Мы подошли к заключительному этапу земной жизни Искариота. Именно к этому краткому периоду, по нашему убеждению, относятся сетования Иисуса о судьбе ученика-предателя:

...Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться. (*Матф. 26, 24*)

Неужели в этих скорбных словах проявилось осуждение, а не сочувствие к Искариоту, которому предстояло претерпеть величайшее горе – самоубийство, а вслед за тем и нисхождение в преисподнюю вместе с Учителем? И разве подобные терзания не сопоставимы отчасти с унижением, поношениями и страданиями самого Мессии?

Подойдя к Учителю в ночной Гефсимании, Искариот обратился к нему со словами:

...Радуйся, Равви! (*Матф. 26, 49*)

Не подтверждал ли этим ученик, что, как и прежде, признает Иисуса своим Учителем и верен его Учению? Ведь רַבִּי *«Rábbi»* (буквально «старший мой», «большой меня») – обычное еврейское обращение к тому, кого

несомненно признают наставником. Такое приветствие – «Радуйся, Рабби!» – не несет ли весть об исполненном поручении? В контексте происходящего оно могло иметь особый смысл: «Радуйся, Учитель, твое поручение выполнено!»

«Предавая» Иисуса, ученик обращается к воинам с таким предупреждением:

...Возьмите его и ведите осторожно. (*Марк. 14, 44*)

Греческое слово *ασφαλώς* *«асфалос»* означает «надежно», «безопасно». Зная, что в дальнейшем ожидает Иисуса, Искарот проявляет заботу о том, чтобы хотя бы на пути в судилище Учителя не мучили...

Однако имеются соображения, позволяющие представить иную интерпретацию этого предупреждения.¹ Как мы говорили ранее, возможность осуществления «другой версии» заговора против Иисуса еще не была исключена: на него могли напасть по дороге к дому Каиафы с целью убийства. Именно об этом и говорил Иуда воинам, призывая их к бдительности: «Ведите осторожно».

¹Приведенная интерпретация принадлежит Л. А. Именитову, которому автор приносит благодарность.

Сошествие во ад

А что же произошло далее? Наутро, узнав, что Иисус осужден Синедрионом и что его предали в руки Пилата, ученик не только «раскаялся», но и публично засвидетельствовал, что Иисус невиновен:

...Согрешил я, предав кровь невинную...

И, бросив сребреники в Храме, он вышел, пошел и удавился. (*Матф. 27, 4–5*)

Словом «вышел» переведено греческое *ανεχώρησεν* <*анэхоресэн* – «удалился», что можно символически понять как «удаление от мира сего», уединение для подготовки к переходу в иную реальность. Сам же переход совершился посредством самоубийства – *απήξατο* <*апэнксато* – «задушился», «удавился»). Судя по сказанному об Иуде, –

...Приобрел землю неправедною мздою, и когда низринул, расселось чрево его, и выпали все внутренности его... (*Деян. 1, 18*)

– суицид совершился через самоповешение, после чего тело сорвалось с ремня (или веревки) и разбилось о камни.

Но ведь самоубийство – тягчайший грех! Как же мог пойти на такое ученик Иисуса, если он оставался верен Учителю? Зададим вопрос иначе: зачем, с какой целью Искарот это сделал? Чтобы найти верный ответ, следует не упускать из виду, что он по-прежнему «содержал», «заключал в себе» сатану.

Куда отправился Иисус, казненный на Голгофе, когда дух его вышел из тела? На это отвечает апостол Петр в своем послании:

...Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом,

Которым он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал,

Некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега...

(1 Петр. 3, 18–20)

Итак, когда Иисус был «умерщвлен по плоти», то есть умер на кресте, дух его, выйдя из тела, «сошел» (спустился) в место, именуемое «темницей духов», иными словами, в ад, преисподнюю, где были заключены и страдали падшие, грешные духи, не покорявшиеся в земной жизни Богу, несмотря на Его долготерпение к ним. Пример такого Божьего долготерпения – период строительства Ноева ковчега перед потопом. В течение этого времени Ной неустанно проповедовал своим пре-

ступным современникам покаяние, однако никто, кроме членов его семьи, так и не покаялся (ср. Быт. 6, 3–14; II Петр. 2, 5). И некоторые из духов, к которым сошел Иисус, содержались в адской «темнице» еще со дней Ноя.

О том, где находился Иисус между смертью и воскресением, сообщает и апостол Павел:

...Он и нисходил прежде в преисподние места земли... (Еф. 4, 9)

Иисус в аду проповедал всем духам – и заключенным там с древних времен, и брошенным в эту «темницу» в более поздние сроки.

Апостол Иоанн объясняет, что любящие Бога и ближних обитают во свете – как на земле, так и в мире ином; а ненавидящие Отца и братьев пребывают – и здесь и там – во тьме духовной смерти (I Иоан. 3, 14–16). Покинув физическое тело, они закономерно оказываются в «темнице духов» – во тьме отлучения от Господа (II Фес. 1, 8–9). Именно для того, чтобы принести им свет покаяния, искупить их и вывести из ада, и сошел Мессия в преисподнюю.

Как же он совершил это? В Библии грех, «притягивающий» к человеку смерть духовную и физическую, рассматривается как некая плотная и осязаемая субстанция, пятнающая и/или облекающая душу. Грех может передаваться от одного человека к другому, его можно

принять на себя, а также возложить на жертвенное животное (о жертве за грех см. Лев. 4, 27–29). Взяв на себя грехи мира на Голгофском кресте, Иисус под их тяжестью сошел в ад. Здесь ему и надлежало сбросить с себя эту ношу, избавиться от нее. Но грехи можно только «переложить» на кого-либо. На кого же следовало «переложить» грехи всего мира? Разумеется, на виновника первородного греха, первого соблазнителя – на того самого змея, который уговорил праматерь Еву вкушать плод познания добра и зла.

Но где же находился этот змей, сатана, во время Сошествия Мессии в преисподнюю? Напомним где – в Искарите.

Не следует ли отсюда с неизбежностью вывод, что Искариту необходимо было оказаться в аду одновременно с Иисусом, дабы выпустить из себя князя тьмы, ослабленного «заключением» в апостоле? Освободить именно там, в аду – чтобы дух зла, ошеломленный пережитым, не сразу сумел прийти в себя, не мог сопротивляться? В таком случае Иисус получал полную возможность «переложить» всеобщий грех на его первого виновника...

Тайна искупления

Здесь мы ступаем на таинственную почву библейских прообразов-архетипов. В Книге Левит описывается обряд очищения Скинии от грехов народа, проводившийся раз в год – в День Очищения, десятого числа седьмого месяца. В этот день первосвященник, при строгом посте всего народа, входил во Святое святых – сокровенную часть Скинии, чтобы искупить грехи, накопившиеся за целый год. Ведь при каждом жертвоприношении за грех «сущность», «субстанция» этого греха, перенесенная с человека на животное, оставалась в Скинии. Для очищения Скинии первосвященник, «собрав на свои руки» все грехи, затем «возлагал» их на «козла отпущения». Таким образом, «козел отпущения» оказывался носителем всех грехов народа, содеянных за год. Затем козла отсылали в пустыню, где его, по преданию, свергали со скалы – и он разбивался о камни, «сбрасывая» тем самым грехи в пропасть, символизировавшую ад.

Словосочетание «козел отпущения» – это перевод древнееврейского *שׂוֹמֵר לַאֲזָזֵל* «сэ́ир ла-Азазэ́ль» – «козел для Азазела». Здесь мы встречаем имя демонической сущности, тождественной князю тьмы.

В Новом Завете Иисус является Первосвященником Скинии нерукотворной, которую «воздвиг Господь, а не человек» (Евр. 8, 2). «Собрав» и «взяв на себя» грех мира, он, подобно ветхозаветному первосвященнику, дол-

жен был затем «возложить» этот грех уже не на «козла отпущения», а на самого Азазела.

Не для того ли, чтобы сойти в ад и оказаться там одновременно с Иисусом, Искарriot и совершил самоубийство, за которое полагается адское наказание? Ведь Шестая из Десяти заповедей – «Не убивай!» – содержит в себе и запрет самоубийства.

Повесившись, Искарriot оставил тело и тоже, как Иисус, нисшел «в преисподние места земли» (Еф. 4, 9). Совершил ли он это нисхождение незадолго до смерти Иисуса, одновременно с ним или непосредственно после его казни, определить затруднительно. Тексты евангелий не позволяют однозначно описать очередность этих событий. Но чрезвычайно важно, что Учитель и ученик бóльшую часть трехдневного срока – от смерти Иисуса до его воскресения – пребывали в аду одновременно.

Когда мертвое тело Искарriota, сорвавшись, «низринулось» и разбилось о камни, причем «расселось чрево его и выпали все внутренности его» (Деян. 1, 18), не сохранилось ли в этом событии нечто более глубокое, чем кажется на первый взгляд? Не было ли «выпадение внутренностей» знаком того, что происходило на плане невидимом: «выпадение» в аду сатаны, как раз и находившегося до этого «внутри» апостола?!

Остался ли после этого «ученик-предатель» в аду? Если Иисус, «переложив» грех мира «на Азазела», тем самым искупил всех духов, пребывавших в адской «темнице», то неужели оставил он в преисподней своего ученика, по мере сил участвовавшего во всеобщем ис-

купления? Разве из ада не были освобождены все в нем находившиеся?

...Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление... (Пс. 15, 10)

Такими словами пророчествовал о Мессии псалмопевец Давид. Итак, души могут «оставаться в аде», но могут и выводиться из него – по окончании срока наказания:

Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит... (1 Цар. 2, 6)

– восклицала по внушению Духа Божьего Анна, мать пророка Самуила. «Возведение» из ада пережили после проповеди Иисуса все находившиеся там души!

Что же ожидало Искариота, выведенного Учителем из ада? Не то ли грядущее событие, никем и никогда не отмененное, которое связано с обетованием Иисуса двенадцати ученикам:

...В пакибытии... сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. (Матф. 19, 28)?

Это обетование самым прямым образом относится и к Иуде!

Но как же совместить это со словами Петра, «резюмирующими» земной путь Искариота? Ведь Петр ясно сказал, что существует

...Жребий... апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место. (*Деян. 1, 25*)

В каком же смысле произошло отпадение Искарриота от «жребия апостольства», то есть апостольского призвания? Собственно, по-гречески *αποστολος* *«apóstolos»* – посланник, в смысле «проповедник Благой вести». Но у Иуды, как мы видели, было совсем иное призвание, и земные пути его разошлись с путями других апостолов. Петр уточняет, зачем «отпал» Иуда от жребия апостольства:

...Чтобы идти в свое место... (*Деян. 1, 25*)

О «месте», предназначенном Иуде, мы уже сказали: это – престол, на котором он воссядет, чтобы судить одно из колен Израилевых (*Матф. 19, 28*). Но не подчеркивают ли слова Петра также и динамичность жизни Иуды – «чтобы **идти**»? Ведь ему пришлось **пройти** сквозь великое горе внешнего отречения, предательства и самоубийства – вплоть до самого ада! А ведь именно это и предрек Учитель:

...Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается... (*Матф. 26, 24*)

И, как нам представляется, евангелисты изложили все события именно так, как они выглядели для «внешнего наблюдателя», включая сюда и оценки, данные Искарриоту Иоанном.

Действительно, дух более слабый, чем дух Искариота, предпочел бы, наверное, вовсе не родиться на земле, чем испытать такую судьбу и такие страдания...

...Лучше было бы этому человеку не родиться.
(*Матф. 26, 24*)

Однако же Иуда Искариот, сильный духом и верный Учителю, был готов, преодолевая все, «идти в **место** свое» (Деян. 1, 25)!

И не это ли самое **место** было предназначено ему Учителем как итог всех перенесенных искушений и мук? –

...Сядете и вы... судить... (*Матф. 19, 28*)?

Именно таков Иуда Искариот, апостол Иисуса: не «осужденный», но судья!

Какой же суд имеется в виду? В библейском контексте «судья» обозначает и правителя, в данном случае князя одного из колен Израилевых в «пакибытии» – мессианском царстве:

Но вы пребыли со мною в напастях моих,
И я завещаваю вам, как завещал мне Отец мой,
Царство:

Да ядите и пиете за трапезою моею в Царстве моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых. (*Лук. 22, 28–30*)

Воскресший в субботу

Памяти Александра Штырова

Две субботы на одной неделе

В какой день недели воскрес Иисус?

– Что за вопрос, – скажет почти любой, верующий в это событие. – Ответ всем известен: в воскресенье! Ведь этот день и назван в честь возвращения Иисуса из царства мертвых, в честь его выхода из гробницы и явления ученикам! Соответствующие события подробно описаны в евангелиях.

– Да, описаны достаточно подробно. Но, как известно, несколько по-разному. В священных текстах события записывались по свежим еще следам – и, казалось бы, хронологических разноречий между евангелистами быть не должно.

Принимая верою и на веру каждое их слово, мы находим, однако же, в их свидетельствах временное несоответствие.

Как известно, ритуал погребения тела Иисуса не был завершен в связи с наступившим согласно заповеди (Исх. 20, 8–11) субботним покоем. Действия женщин, намеревавшихся завершить погребение, Марк описывает следующим образом:

По происшествии субботы Мария Магдалина, и Мария Иаковлева, и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать его.

И весьма рано, в первый *день* недели, приходят ко гробу при восходе солнца... (Марк. 16, 1–2)

Лука говорит об этом иначе:

Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось тело его;

Возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди.

В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие... (Лук. 23, 55 – 24, 1)

Согласно Марку получается, что жены-мироносицы купили ароматные вещества, необходимые для традиционного иудейского погребения (ими пропитывали погребальные пелены) – **по прошествии субботы**. Лука же утверждает, что произошло это **до субботы** – сразу после возвращения женщин с погребения; в субботу же они «оставались в покое по заповеди».

Поскольку же мы верим обоим евангелистам, поразмыслим: как же примирить между собой их сообщения? Ведь получается, что на неделе казни и воскресения Иисуса было... две субботы: по происшествии первой из них жены-мироносицы купили благовония; вторую – соблюли, покоясь по заповеди; и лишь по прошествии этой, второй, субботы, на рассвете первого дня недели

(по общепринятому обычаю именуемого воскресеньем) пошли к гробнице – исполнить последний долг перед умершим.

Но как же такое можно себе представить – две субботы на одной неделе?!

Пасха называлась субботой

Оказывается, согласно иудейскому календарю и традиционному наименованию его праздничных дат, такое быть могло. «Две субботы» могли встретиться на одной неделе. Дело в том, что в священные годовые праздники, согласно Закону Божьему (Торе), требовалось, как и в еженедельную субботу, отдыхать от обычных дел. Так, относительно праздника Пасхи (Песах), отмечаемого в память исхода евреев из Египта, есть такое повеление:

В первый месяц, в четырнадцатый *день* месяца вечером, Пасха¹ Господня.

И в пятнадцатый день того же месяца праздник опресноков Господу. Семь дней ешьте опресноки.

В первый день да будет у вас священное собрание, никакой работы не работайте;

И в течение семи дней приносите жертвы Господу; в седьмой день также священное собрание; никакой работы не работайте. (*Лев. 23, 5–8*)

Итак, первый день праздника приравнивается к субботе в связи с запретом обычных дел: «никакой работы не работайте» (ср. Лев. 23, 2–3). То же относится к сень-

¹Имеется в виду пасхальное жертвоприношение.

тому дню Пасхи, к праздникам Пятидесятницы (Шавуот – Лев. 23, 21), Труб (Рош га-Шана – Лев. 23, 24–25), Очищения (Йом-Киппур – Лев. 23, 27–28), а также к первому и восьмому дням Кущей (Суккот – Лев. 23, 34–36). Обо всех этих семи праздничных днях имеется предписание Господне: «никакой работы не работайте». А день поста и молитв о прощении грехов – День Очищения (Йом-Киппур) – прямо назван субботой, хотя, как и другие праздники, может выпадать на разные дни недели:

Никакого дела не делайте; это – постановление вечное в роды ваши во всех жилищах ваших.

Это для вас **суббота покоя**, и смиряйте души ваши, с вечера девятого *дня* месяца; от вечера до вечера празднуйте **субботу** вашу. (Лев. 23, 31–32)

В Евангелии от Иоанна сказано, что Иисус был предан смерти в день приготовления к Пасхе. Греческое слово *παρασκευῆ* «*параскеуэ*» – «приготовление» – в Синодальном тексте переведено как «пятница»:

Тогда была пятница пред Пасхою, и час шестый. И сказал *Пилат* иудеям: се, Царь ваш! (Иоан. 19, 14)

Еще раз об описываемом здесь дне говорится далее:

Но как *тогда* была **пятница**, то иудеи, дабы не оставить тел на кресте в **субботу**, ибо **та суббота**

была день великий, просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. (*Иоан. 19, 31*)

В третий раз о том же дне сказано в связи с погребением Иисуса в пещере, принадлежавшей Иосифу Аримафейскому:

Там положили Иисуса ради **пятницы иудейской**... (*Иоан. 19, 42*)

Как видим, в Синодальном тексте здесь трижды упомянута «пятница», что воспринимается как название дня недели. Мы уже сказали, что словом «пятница» переведено греческое слово *παρασκευή* – «приготовление». Имеется в виду приготовление к празднику Пасхи, о чем ясно сказано:

Тогда была пятница пред Пасхою... (*Иоан. 19, 14*)

Если во всех трех случаях слово «пятница» заменить на «приготовление», мы получим такие тексты: «Тогда было приготовление к Пасхе» (*Иоан. 19, 14*), «Но как тогда было приготовление [к Пасхе]...» (там же, ст. 31), «Там положили Иисуса ради приготовления [к Пасхе] иудейского» (там же, ст. 42).

Название дня недели – «пятница» – при таком переводе исчезает. И действительно, какой смысл может иметь словосочетание «пятница иудейская»? Если здесь

говорится о дне недели, то он общий для иудеев, греков, римлян... Приведенное словосочетание обладает не бóльшим смыслом, чем, например, «вторник греческий» или «четверг фригийский...»

А как же быть с тем, что у синоптиков (Матфея, Марка, Луки), в отличие от Иоанна, просто сказано о «пятнице» как дне распятия (Матф. 27, 62; Марк 15, 42; Лук. 23, 54)? Во всех трех случаях, конечно, в греческом тексте ни о какой «пятнице» как дне недели не говорится, а присутствует то же, что и у Иоанна, слово *παρασκευή* – «приготовление [к Пасхе]». То же относится и к «субботе»: у всех трех синоптиков, как и у Иоанна, под «субботой» разумеется не еженедельный день отдыха по заповеди, но годовой праздник – Пасха.

Правы оба евангелиста

Сказанное выше дает нам право утверждать, что в описаниях действий жен-мироносиц правы оба евангелиста – и Марк, и Лука.

Снятие тела Иисуса с креста произошло перед окончанием «дня приготовления» и наступлением пасхального вечера. Смерть Иисуса наступила «около девятого часа» (Матф. 27, 46; Марк. 15, 34; Лук. 23, 44).

Иосиф Аримафейский «осмелился войти к Пилату и просил тела Иисусова» – «когда уже настал вечер» (Марк. 15, 42–43).

С наступлением же вечера Пасхи (с 14-го на 15-е Нисана) на любые работы налагался строжайший запрет («никакой работы не работайте» – Лев. 23, 7). Именно поэтому погребение тела Иисуса не было закончено и требовало впоследствии своего завершения. Жены-мироносицы не имели времени приобрести благовония до окончания «дня приготовления»: наступала Пасха – торговля и прочие дела прекращались. Когда же они смогли осуществить сказанное Лукой? –

Возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди.
(Лук. 23, 56)

Если воспринимать слова о «пятнице» как относящиеся ко дню недели, то у женщин не оставалось бы вре-

мени для приобретения, а тем более **приготовления** благовоний (имеются в виду дополнительные действия после покупки ароматных веществ: их смешение, разведение и т. п.) в течение оставшейся светлой части дня. Они, однако же,

Возвратившись, приготовили благовония и масти... (Лук. 23, 56)

Это могло осуществиться только в том случае, если у женщин имелось в запасе **достаточное время после окончания первого пасхального дня – и до прихода к гробнице**. Об этом как раз и свидетельствует Марк:

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать его. (Марк. 16, 1)

Они не могли этого сделать ни в оставшиеся «минуты» дня казни, ни до рассвета первого дня недели, потому что торговля не производилась ночью. А между тем, они

...Весьма рано, в первый день недели приходят ко гробу, при восходе солнца... (Марк. 16, 2).

Когда же могло найтись время для покупки и приготовления благовоний? Ответ прост: в промежуточный

срок между окончанием первого дня Пасхи, когда работа запрещена, – и наступлением еженедельной субботы, когда точно так же не дозволен обычный труд!

Следовательно, достаточное время между «двумя субботаами» (первым днем Пасхи и субботой еженедельной) обязательно должно было оказаться!..

Могла ли наступавшая Пасха выпасть на седьмой день недели?

Жены-мироносицы пришли довершить погребение Иисуса

...По происшествии... субботы, на рассвете первого дня недели... (*Матф. 28, 1, ср. Марк. 16, 2; Лук. 24, 1; Иоан. 20, 1*)

Как мы сказали, до этого должно было пройти время, в течение которого они смогли бы купить и приготовить ароматы. Из сказанного следует, что первый день Пасхи никак не мог совпасть с субботой еженедельной: ведь по миновании последней женщины пришли к гробнице с уже приготовленными благовониями и мастями.

О том, что между Пасхой и еженедельной субботой прошел некоторый срок, говорит и Матфей:

На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату

И говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну.

Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики его, пришедши ночью, не украли его и не

сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого. (*Матф. 27, 62–64*)

В греческом тексте об этом «другом дне», в который состоялся разговор первосвященников и фарисеев с Пилатом, сказано так: *τη δε ελευριου, ητις εστιν μετα την παρασκευην...* «*тэ дэ элаурион, хэтис эстин метá тэн параскеуэн...*» – буквально: «Назавтра же [после] того [дня], который [следует] после [дня] приготовления...» Могла ли встреча иудеев с Пилатом состояться в первый день Пасхи? Конечно, нет! Ведь даже утром «дня приготовления» люди, желавшие осудить Иисуса, боялись оскверниться общением с язычниками, чтобы не стать нечистыми: осквернение лишало их возможности участвовать в пасхальной трапезе. Об этом есть повеление в Торе:

Скажи сынам Израилевым: если кто из вас или потомков ваших будет нечист от *прикосновения* к мертвому телу или будет в дальней дороге, то и он должен совершить Пасху Господню.

В четырнадцатый день второго месяца вечером пусть таковые свершат ее... (*Числ. 9, 10–11*)

Таким образом, осквернившийся из-за прикосновения к трупу не мог участвовать в пасхальной трапезе: он должен был очиститься и отпраздновать Пасху уже месяцем позже («в четырнадцатый день второго месяца»). Для

знатных же жителей Иудеи, особенно для духовных руководителей народа, подобное состояние осквернения могло рассматриваться как бесчестье. Тем более, если в состоянии нечистоты оказывались сразу многие священники и наставники народа.

Именно поэтому, когда Иисуса повели после суда у Каиафы к Пилату,

...Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было* есть пасху.
(Иоан. 18, 28)

Почему вхождение в римскую преторию и соприкосновение с язычниками рассматривалось как осквернение? Дело в том, что язычники не соблюдали предписаний Торы о ритуальной чистоте – и поэтому вполне могли до этого входить в соприкосновение с трупами или вкушать нечистую пищу. Это делало их нечистыми в глазах иудеев: ведь нечистота передавалась далее от человека к человеку (см. Числ. 19, ст. 11, 22).

Но коль скоро это так, как же могли собраться у Пилата священники и фарисеи в первый день Пасхи, в священный праздник? Ведь это были те самые люди, которые еще вчера утром боялись оскверниться в преддверии Пасхи (Иоан. 18, 28)! Да и о самом празднике в Матф. 27, 62 сказано как-то странно и очень неопределенно: «На другой день, который следует за пятницею...»

Мы помним, что «пятница» – перевод греческого слова «приготовление». Всмотримся же внимательнее в подстрочный перевод с греческого:

Назавтра же [после] того [дня], который [следует] после [дня] приготовления... (*Матф. 27, 62*)

А что же следует после «дня приготовления»? Конечно, первый день Пасхи! Следовательно, священники и фарисеи собрались у Пилата в день, следующий за 15 Нисана, но предшествующий еженедельной субботе! Вот еще одно свидетельство о том, что между первым днем Пасхи («субботой великой» – Иоан. 19, 31) и субботой еженедельной прошел определенный срок!

Итак, первый день Пасхи никак не мог в том году выпасть на субботу!

В какой день недели совершился исход из Египта?

Древнее иудейское предание (хроника «Седер Олам Рабба», 15-я глава) сообщает, что исход из Египта произошел в четверг 15 Нисана (этот месяц в те времена именовался Авив – «колос», поскольку тогда колосился, то есть созревал, ячмень). Спасение народа из египетского рабства – прообраз того спасения, которое Мессия дарует душам, поработанным грехом. Заклание пасхального агнца перед Исходом – символическое указание на грядущего новозаветного Агнца (Иоан. 1, 29; I Петр. 1, 19; I Кор. 5, 7–8; Откр. 5, 6 и др.). Для полноты прообраза логично, что Мессия претерпел казнь в тот же самый день недели, в который был заклан пасхальный агнец в Египте, то есть в среду (как известно, библейские сутки начинаются с вечера, и перед Исходом первая Пасха была отпразднована в ночь со среды на четверг).

Согласно иудейскому лунно-солнечному календарю Пасха выпадает на разные дни недели, нередко и на четверг (являющийся по библейскому счету пятым, а не четвертым днем недели). Не случайно именно такое свидетельство относительно Пасхи в один из предыдущих годов содержится в Евангелии от Луки:

В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось ему проходить засеянными полями... (Лук. 6, 1)

В греческом тексте сказано *εν σαββατω δευτεροπρωτω* «эн саббáто дэутерóпрото», в церковнославянском переводе – «в субботу второпервую». Имеется в виду «суббота первая», наступающая после второго дня Пасхи. Дело в том, что счет суббот года в древности начинался именно с первой субботы, отпразднованной евреями после исхода из Египта (понятно, что рабы не имели выходных дней). Если суббота, о которой говорит Лука (6, 1), наступала после второго дня («по втором дне») Пасхи, то Пасха, следовательно, приходилась на четверг.

Далее мы увидим, что и в год крестной смерти и воскресения Мессии Пасха выпала на четверг. И тогда день приготовления к Пасхе («пятница пред Пасхою» – Иоан. 19, 14) был в среду – четвертый день согласно библейскому счету. Мы также найдем подтверждение тому, что в этот самый день недели (в среду) и был казнен Иисус.

Разные календари

Если наше предположение верно, то Тайная вечеря – последняя трапеза Учителя с учениками-апостолами – проводилась в вечер со вторника на среду, после чего Иисус был взят под стражу в Гефсимании, отведен к Каиафе, а затем к Пилату, приговорен к смерти – и казнен.

Почему же вечеря – та самая, во время которой Иисус объяснил своим ученикам значение вкушаемых за пасхальной трапезой хлеба и вина как Плоти и Крови Мессии, – названа «тайной»? Ведь в жертвенной пасхальной трапезе должны были участвовать все израильтяне – и притом совершенно открыто:

Храните сие как закон для себя и для сынов своих навеки.

Когда войдете в землю, которую Господь дает вам, как Он говорил, соблюдайте сие служение.

И когда скажут вам дети ваши: что это за служение?

Скажите: это пасхальная жертва Господу, Который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал египтян, и дома наши избавил.

(Исх. 12, 24–27)

Если это так, то почему же пасхальной вечере Иисуса с учениками предшествовали некие секретные приготовления? –

И посылает двух из учеников своих и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним,

И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы мне есть пасху с учениками моими?

И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам. (*Марк. 14, 13–15*)

В этом рассказе говорится об особой конспирации, связанной с приготовлением к пасхальной трапезе (анонимные «человек с кувшином» и «хозяин дома»). Очевидно, трапеза, к которой готовился Иисус, чем-то отличалась от общеиудейской – и поэтому место ее проведения должно было храниться в тайне. Понятно также, что у Иисуса и апостолов были в Иерусалиме сообщники, призванные подготовить трапезу – и препроводить учеников к месту празднования.

В чем же состояло отличие вечера Иисуса от общеиудейской? Дело в том, что Иисус с апостолами праздновали Пасху на сутки ранее, чем остальные иудеи. При этом, однако же, сам Иисус определенно называет свою трапезу с учениками пасхальной: «...у тебя совершу Пасху с учениками моими» (Матф. 26, 18).

Но как же это понять?

В середине XX века в Израиле, на побережье Мертвого моря, были в большом количестве обнаружены пергаментные рукописи рубежа новой эры – «тексты Кумрана». Эти манускрипты принадлежали есеевской общине, отличавшейся по мировоззрению, традициям и ритуалам от других иудеев – сторонников фарисейства или саддукейства. Отличия касались и календаря. Согласно есеевскому календарю пасхальная трапеза всегда совершалась в ночь со вторника на среду. В год смерти и воскресения Мессии ессеи вкушали пасхальную трапезу на день раньше, нежели остальные иудеи. И мы видим, что Иисус с учениками праздновали первый день Пасхи именно по есеевскому календарю – на сутки ранее большинства иудеев, для которых праздник наступал лишь вечером следующего дня.¹ Нередко ессеи были вынуждены отмечать свои праздники тайно, дабы не подвергаться гонениям со стороны остальных иудеев. Вот почему вечеря Иисуса с учениками и была «тайной»...

Мессия, имея своим прообразом библейского агнца и сам именуясь Агнцем (Иоан. 1, 29; Откр. 5, 6), готовился быть принесенным в жертву за грехи человечества в то самое время, когда закалался пасхальный агнец, то есть к вечеру 14 Нисана (Исх. 12, 5–6, Иоан. 19, ст. 14 и 31).

¹О близости окружения Иисуса к ессеям см. с. 40–41.

В преддверии этого события Иисус и сказал своим ученикам:

...Очень желал я есть с вами сию пасху прежде моего страдания... (Лук. 22, 15)

Именно во время этой трапезы было разъяснено таинство жертвы Мессии:

И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело мое, которое за вас предается; сие творите в мое воспоминание.

Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша *есть* Новый завет в моей крови, которая за вас проливается. (Лук. 22, 19–20)

Элементы традиционного празднования Пасхи – вкушение мацы (пресного хлеба) и вина – были объяснены Иисусом как указание на жертвенную смерть Мессии за грехи человечества – предание на муки его тела и пролитие его крови.

Но как же совместить желание Мессии отпраздновать Пасху с учениками – с необходимостью принести жертву за грехи человечества в тот самый день, когда закалался пасхальный агнец и вкушалась пасхальная трапеза?

Чтобы это произошло, провиденциально необходимо было сосуществование двух календарей – общеиудей-

ского и ессейского. Согласно первому, Иисус был принесен в жертву, подобно пасхальному агнцу, 14 Нисана. Согласно второму, он законным образом отпраздновал Пасху с апостолами, разъяснив им смысл древнего пасхального обряда как прообраза, указующего на жертву Мессии.

Сказанное позволяет разрешить известное «противоречие» между хронологическими указаниями синоптиков и Иоанна относительно дня празднования Тайной вечери. У синоптиков сказано, что ее проводили в вечер Пасхи, то есть 14 Нисана (Матф. 26, 17–18; Марк. 14, 12–16; Лук. 22, 7–15); у Иоанна – что она состоялась накануне Пасхи:

Пред праздником Пасхи... (*Иоан. 13,1*)

Устранение противоречия – в том, что, как мы сказали, речь идет о разных календарях – общевудейском и ессейском.

Пятый день хранения агнца

Откуда же все-таки в церковнославянском и русском переводах появилась «пятница» вместо греческого «приготовления [к Пасхе]»? Некоторыми исследователями высказывалась мысль, что такое название первоначально не было связано с днем недели (вспомним, что «пятый день» не может предшествовать седьмому – субботе).

С чем же тогда могло ассоциироваться название «пятница»?

Дело в том, что в Книге Исход относительно пасхального агнца содержится следующее предписание:

Скажите всему обществу *сынов* Израилевых: в десятый *день* сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам...

<...>

И пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером... (*Исх. 12, 3–6*)

Как видим, выбранный из стада пасхальный агнец «хранился» отдельно от остальных овец или коз (см. там же, ст. 5) в течение **5 дней** – от 10 до 14 числа первого месяца (Авива, или Нисана). Вот в связи с этим пятидневным хранением последний, пятый день, в который

совершалось жертвенное заклание, и мог быть назван в славянском переводе «пятницей». Впоследствии же такое понимание слова утратилось, и под «пятницей» стали понимать день недели.

Вход в Иерусалим

Знаменательно, что Иисус был символически избран народом в качестве Мессии в тот самый день, когда избирали пасхальных агнцев. Об этом свидетельствует Иоанн:

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию...

<...>

На другой день [то есть за пять дней до Пасхи. – Д.Щ.] множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим,

Взяли пальмовые ветви, вышли навстречу ему и воскликнули: осанна! Благословен грядущий во имя Господне, царь Израилев! (*Иоан. 12, 1–13*)

Этими восклицаниями, этим чувством народ явно избрал Иисуса, подтвердив, что считает его Мессией, избавителем, спасителем. Он был избран – подобно тому, как избирали в этот день (за пять дней до Пасхи) жертвенного агнца. Заповедь о пасхальном агнце звучала так:

Скажите всему обществу *сынов* Израилевых: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство. (*Исх. 12, 3*)

В древнееврейском оригинале здесь имеется словосочетание יְשׁוּעָה «*иш сэ*», переданное в Синодальном переводе как «каждый одного агнца». Буквальный же перевод словосочетания *иш сэ* означает «муж-агнец» и является намеком на грядущего Мессию как праведника, обладающего необычайной кротостью и приносящего себя в жертву за «грехи мира» (Иоан. 1, 29) – ср. у Матфея:

...Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем... (*Матф. 11, 29*)

Вход Мессии в Иерусалим на осле (Иоан. 12, 14) соответствовал пророчеству Захарии:

Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. (*Зах. 9, 9*)

Вход Мессии в Иерусалим совершился в субботу 10 Нисана – за 5 дней до заклания агнцев 14 Нисана, которое в том году, как и при исходе из Египта, выпадало на среду. Интересно, что обычай праздника Кущей – шествие с пальмовыми ветвями (Лев. 23, 39–40) – был исполнен в другое время: не на Кущи, а перед Пасхой (Иоан. 12, 12–13). Дело в том, что как избрание агнца, так и праздничное шествие на Кущи ассоциировались с пришествием Мессии.

Три дня и три ночи

Сколько времени должен был Мессия пробыть в царстве мертвых? Согласно его же собственному предречению, никакое другое знамение не дастся «роду лукавому и прелюбодейному» (то есть нечестивцам в его поколении), кроме знамения пророка Ионы:

Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы-пророка;

Ибо как Иона был в чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи. (*Матф. 12, 39–40*)

Пророк Иона, в свое время проглоченный китом в наказание за бегство «от лица Господня» и покаявшийся в китовом чреве, действительно провел там указанное время:

И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. (*Ион. 2, 1*)

Вдумаемся в сказанное: Иона пережил во чреве кита три дневных и три ночных периода времени! Притом, если какой-то из этих дней и мог быть неполным, то уж

каждая из трех ночей непременно длилась от вечера до утра... То же самое относится и ко времени, проведенному Мессией в царстве мертвых! Этому предсказанию соответствует и пророчество Осии, изреченное за семь с половиной веков до казни и воскресения Иисуса:

В скорби своей они с раннего утра будут искать Меня и говорить: пойдём и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил – и Он исцелит нас, поразил – и перевяжет наши раны;

Оживит нас через два дня, в третий день восстановит нас, и мы будем жить пред лицом Его. (Ос. 6, 1–2)

Это пророчество, несомненно, относится к смерти Иисуса, который был оживлен Богом «через два дня в третий». Но предсказание содержит еще и следующий смысл: всеобщее оживление, духовное воскресение как народа Израиля, так и всего человечества (не зря сказано во множественном числе – «оживит **нас** через два дня, в третий день») – произойдет через две тысячи лет после воскресения Мессии, в третьем тысячелетии:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи.
(Пс. 89, 5)

Об этом напоминает верующим и апостол Петр:

Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. *(II Петр. 3, 8)*

Итак, по истечении двух «тысячелетних дней», считая от воскресения Мессии, начнется духовное воскресение Израиля, и с ним – всего человечества...

Вернемся, однако, к буквальному смыслу как предсказания Иисуса относительно «трех дней и трех ночей», так и пророчества Осии об оживлении «через два дня – в третий». Мы видим, что в обоих случаях упоминаются «три дня и три ночи», но – в различных выражениях. Между тем, согласно устоявшемуся представлению, Иисус провел в царстве мертвых время «от девяти часов» пятницы (что соответствует трем часам дня в нынешнем понимании) – до рассвета воскресения. Получается – менее полутора дней и две ночи: с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье. Эти сроки никак не соответствуют пророчествам о «трех днях и трех ночах», об оживлении «через два дня в третий».

Те же дни — в числах

Чтобы подробнее разобраться в сказанном выше, представим день казни и день воскресения Мессии — в числах месяца.

Как мы уже говорили, распятие Иисуса совершилось 14 Нисана. Следовательно, воскресение произошло 17 Нисана — через два дня на третий. Но отмечен ли в Писании этот великий день?

В рассказе о всемирном потопе есть такие слова:

И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. (*Быт. 8, 4*)

Авив (Нисан) назван в Исх. 12, 2 «первым месяцем» — в честь исхода израильтян из Египта. Но до этого, во времена патриархов, он, согласно древнейшему преданию, считался седьмым. А первым был осенний месяц Эйтаним, позднее названный Тишри. Итак, сообщение, что Ноев ковчег остановился «в седьмом месяце на горах Араратских», подразумевает месяц Авив (Нисан) — седьмой, считая от Тишри. А 17-го числа этого месяца как раз и воскрес Мессия! Ковчег же был прообразом Церкви, в которой от гибели спасаются как «чистые», так и «нечистые» души (ср. Быт. 7, 2 — о «чистых и нечистых» животных в Ноевом ковчеге). Итак, именно 17 Ави́ва (Нисана) «ковчег» — Церковь «утверждается на кам-

не» – воскресении Мессии! Апостол Петр, обращаясь к народу, говорил об Иисусе:

Он есть камень... сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения... *(Деян. 4, 11)*

И тот же апостол уподобил Церковь Ноеву ковчегу:

...Во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие... спаслись от воды.

Так и нас ныне подобное сему образу крещение... спасает воскресением Иисуса Христа...
(I Петр. 3, 20–21)

Приведенные образы и описания тесно связаны с 17 Нисана – днем остановки ковчега на «камне» горы Арарат, а также – и днем воскресения Мессии.

День воскресения Мессии

Во всех четырех евангелиях рассказы о воскресении Иисуса связаны с приходом женщин к уже пустой пещере-гробнице – утром первого дня недели (Матф. 28, 1; Марк 16, 2; Лук. 24, 1; Иоан. 20, 1). На основе этих рассказов мы еще не можем понять, воскрес Иисус в предыдущий субботний день или же в день первый. Однако же есть в Евангелии от Марка место, прямо называющее день воскресения: *Αναστάς δε πρωί πρωτη σαββατου εφανη πρωτον Μαρια τη Μαγδαληνη...* «*Анаста́с де проύ протэ саббату эфанэ протон Мари́а тэ Магдалэ́нэ...*» (Марк. 16, 9).

В Синодальном тексте дан такой перевод:

Воскреснув рано в первый *день* недели, *Иисус* явился сперва Марии Магдалине... (Марк. 16, 9)

Однако выражение *проу протэ саббату* буквально означает – «на рассвете первой субботы», что верно понято церковнославянским переводчиком:

Воскрѣсѣ же (іисѣ) за́втра въ пѣрвѣю сѣбѣвѣтѣ...

Как греческий текст, так и церковнославянский перевод однозначно говорят **о воскресении в субботу**, названную «первой», – как мы уже упоминали, в связи с

началом счета годовых суббот от **первой** после Пасхи. Синодальный же перевод – «в первый день недели» – является неким насилием над текстом и представляет собой дань установившейся традиции.

Пророчество Исаии гласит:

И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава. (Ис. 11, 10)

«Корень Иессеев» – это Мессия, потомок Давида, сына Иессеева (Давид бен Йишай – I Цар. 16, ст. 1, 11–13). Именно его жизнь и учение стали «знаменем для народов», именно в него уверовали (к нему «обратились») язычники (ср. Быт. 49, 10–11). Слава же его – воскресение из мертвых, о котором и сказано: «...И покой его будет слава» (Ис. 11, 10).

Именно в день покоя (древнееврейское מנוחה *«мэну-ха́»* – «успокоение»), то есть в день субботний, и должна была открыться слава воскресшего Мессии! Об этом он, восстав из мертвых, говорил апостолам:

Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу свою? (Лук. 24, 26)

Именно так – в субботу – надлежало Мессии, согласно пророчеству Исаии, «войти в славу свою» – чтобы

осуществилось предсказанное: «И покой его будет слава» (Ис. 11, 10). Так что воскресение Мессии в седьмой день – субботу – явно и определенно предсказано в Писании!

Имеются в Библии и прообразы его смерти в день четвертый (среду).

Например, в Четвертый День творения были созданы светила – солнце, луна и звезды – и земля стала получать свет от них. В то же время первоначальный свет, сотворенный в Первый День и независимый от светил (Быт. 1, 3–5), в Четвертый День сокрылся (Быт. 1, 14–19). Так и Мессия, сказавший: «Доколе Я в мире, Я – свет миру» (Иоан. 9, 5), – в четвертый день недели претерпел смерть.

Из четырех всадников Апокалипсиса именно четвертый носит имя «смерть» – он является после снятия четвертой печати:

И когда он [Агнец] снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли...
(Откр. 6, 7–8).

В этом описании смертельной катастрофы четыре раза встречается число «четыре»: «четвертая печать»,

«четвертое животное», «четвертый всадник», «четвертая часть земли». И Мессия был предан смерти именно в четвертый день недели...

О верующих в Мессию апостол говорит:

Ибо, если мы соединены с ним подобием смерти его, то должны быть *соединены и подобием* воскресения... (Римл. 6, 5)

Верующие умерли для зла и греха – и воскресли для добра и праведности:

Так вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем...

<...>

...И не предавайте членов ваших греху в орудие неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности. (Римл. 6, 11–13)

«Подобие смерти» и «подобие воскресения» Мессии запечатлены на каждом, кто верует в него и следует его учению. Поэтому числа 4 и 7, связанные с днями его смерти и воскресения, имеют для верующих особенное значение. Тайна этих чисел – предмет особых благоговейных размышлений для тех, кто следует за праведным Учителем.

Уже в образе Меноры – храмового светильника (Исх. 25, 31–40) – были символически представлены день казни и день воскресения Мессии. Им соответствуют четвертая и седьмая ветви Семисвечника:

I	II	III	IV	V	VI	VII день
вс	пн	вт	среда	чт	пт	суббота
		14 Нисана	15	16	17 Нисана	
			I ночь II ночь III ночь			

Единство Божественного замысла относительно Мессии проявилось в датах как его смерти, так и воскресения

ния, о чем Петр свидетельствовал пред начальниками народа:

...Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели.

<...>

Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил.

(Деян. 3, 15–18)

Ученики Иисуса продолжали праздновать субботу и как день, предписанный Четвертой Заповедью, и как день, в который и был воскрешен Богом Иисус (Деян. 3, ст. 24, 32; 17, 31; Евр. 4, 9–11).

«День Господень»: суббота или первый день недели?

Зададим теперь следующий вопрос: разве не содержатся в текстах Нового Завета свидетельства о том, что после воскресения Мессии суббота была заменена первым днем? Давайте рассмотрим те места Писания, на которые ссылаются приверженцы такого мнения.

У Иоанна сказано, что воскресший Иисус явился ученикам в первый день недели:

В тот же первый день недели вечером... пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!
(Иоан. 20, 19)

Воскресший, после того как утром явился женам-мироносицам (Матф. 28, 9; Марк. 16, 9), открылся и апостолам, но уже вечером. Однако вспомним, что библейский день начинается с вечера. Следовательно, Иисус явился апостолам, согласно библейскому пониманию, не в первый день недели, а уже во второй – в понедельник! Кроме того, в Деяниях сказано:

Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели его перед народом. (*Деян. 13, 31*)

Но ведь по этому поводу не объявляют «многие дни» еженедельными праздниками, заменяющими субботу! Рассмотрим также другой текст Деяний:

В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи. (*Деян. 20, 7*)

Существует мнение, что здесь рассказано о проведенной Павлом пасхальной трапезе, но дело в том, что выражение «в первый день недели» (ст. 7) может относиться не к обычной неделе, а к неделе пасхальной. В любом случае ничто в приведенном тексте не убеждает нас в том, что якобы суббота была навсегда заменена первым днем недели.

Еще один новозаветный текст:

В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду. (*1 Кор. 16, 2*)

Здесь ни слова не сказано о праздновании первого дня! Говорится лишь о подсчете денежных средств каждым верующим в своем доме. Если бы в этот день было собрание, то следовало бы отдавать деньги в общую казну – для передачи их впоследствии Павлу. Однако, согласно иудейскому обычаю, подсчет доходов (а следовательно, и выделение денег на пожертвования) производился именно в **начале** наступающей недели – в первый день. Ведь в субботу подобная деятельность была запрещена, а пятница (с полудня) посвящалась подготовке к субботе, а не житейским делам.

И еще одно известное место в Писании. Апостол Иоанн говорит:

Я был в духе в день воскресный... (Откр. 1, 10)

Однако же в греческом тексте сказано: εν τη κυριακή ημερα «эн тэ кюриакэ хэмэра» – «в день Господень». А ведь «днем Господним» всегда традиционно именовалась именно суббота:

...А день седьмой – **суббота Господу**, Богу твоему: не делай в оный никакого дела... (Исх. 20, 10)

И вот мы видим, что ни в одном из мест Нового Завета нет ни малейших следов предписания о замене субботы первым днем. Последнее принадлежит более поздней

традиции (языческой по происхождению: первый день – «день солнца»¹), не имеющей опоры в Писании.

Зная все это, мы начинаем лучше понимать, почему в Послании к Евреям такое важное значение придается празднованию субботнего дня – как прообраза вхождения верующих в субботний покой Божий и в славу Мессии (ср. Ис. 11, 10):

Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим.

<...>

А входим в покой мы уверовавшие...

<...>

Посему для народа Божия еще остается субботство.

Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих.

Итак, постараемся войти в покой оный...

(Евр. 4, 1–11)

¹ В Римской империи каждый день недели был посвящен одному из небесных тел, что получило отражение, например, в наименовании первого дня недели «днем Солнца»: Solis dies (лат.), Sunday (англ.), Sonntag (нем.).

Содержание

«Не Иосифов ли это сын?..»	5
Вступление	7
Часть 1 Рождение Иисуса согласно евангелиям	8
Неожиданная находка	8
Праведность Иосифа	11
Значения слова «чрево» в Священном Писании	15
«Потоки воды живой»	20
Обитание Духа в людях	23
«Она имеет во чреве от Духа Святого»	27
Брак Иосифа и Марии	33
Об «освящении утробы»	43
Преемственность от Давида и родословие Марии	46
Благовестие ангела Марии	52
Часть 2 Рождение Иисуса согласно ветхозаветным пророчествам	64
Пророчество Исаии	64
Имена-пророчества	76
Два имени одного младенца	79
Еммануил и Иисус	81
Сходство событий	89
Мессия и разрушение Иерусалима	92
Часть 3 Рождение Иисуса согласно представлениям первохристиан	95
Иудеохристиане и языкохристиане	95
Иринеи Лионский об эвионитах	102
Евсевий Кесарийский об иудеохристианах и их учении	109

Свидетельства об иудеохристианах Епифания Кипрского, Феодорита Кирского и других ранних авторов	114
---	-----

Один из Двенадцати. Об Иуде Искарите .. 123

Несовместимые взгляды	125
Что приобрел и чего лишился предатель?	132
Стремления князя тьмы	134
Кто над кем получил власть?	137
Силки, сеть, капкан?	141
Точное исполнение пророчеств	145
Смещение чистого с нечистым	156
Два заговора	162
Уста Мессии	167
Сошествие во ад	172
Тайна искупления	176

Воскресший в субботу .. 181

Две субботы на одной неделе	183
Пасха называлась субботой	186
Правы оба евангелиста	190
Могла ли наступавшая Пасха выпасть на седьмой день недели?	193
В какой день недели совершился исход из Египта? ..	197
Разные календари	199
Пятый день хранения агнца	204
Вход в Иерусалим	206
Три дня и три ночи	208
Те же дни – в числах	211
День воскресения Мессии	213
«День Господень»: суббота или первый день недели?	219

Предлагаем вниманию читателей другие книги Д. В. Щедровицкого

Дмитрий Щедровицкий

прозрачное русло

Из стихотворений 2011–2021

Прозрачное русло. Из стихотворений 2011–2021

В сборник «Прозрачное русло» вошли избранные стихотворения поэта Дмитрия Щедровицкого, созданные в период с 2011 по 2021 год. Многие стихотворения публикуются впервые.

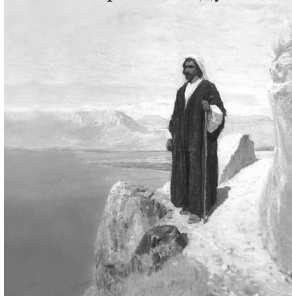
Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево

В состав сборника вошли три выпуска серии «Введение в Ветхий Завет» – уникального по охвату материала современного систематического комментария к Библии. В основу комментария легли учебные курсы по библеистике, прочитанные автором

в ряде светских и духовных вузов Москвы. Книга содержит развернутое толкование Пятикнижия Моисеева (Торы), снабжена справочным аппаратом и списком литературы по библеистике. Книгу можно приобрести и в электронном виде, дающем дополнительные возможности работы с текстом.

Д. В. Щедровицкий

Учение Иисуса о воскресении души

Учение Иисуса о воскресении души

Кроме солнечного света, созданного в Четвертый день творения, есть еще Свет Первого дня, о котором сказано: «Да будет Свет!» Этот Свет скрыт внутри нас. Он есть «Свет Истинный, просвещающий каждого...»

Как, согласно учению Иисуса,

исправить жизнь не только отдельного человека, но и общества в целом? Почему на протяжении веков определенные силы скрывали связь Евангельской проповеди с социальными предписаниями Ветхого Завета?.. Духовные вопросы освещаются в книге с необычной, порой парадоксальной точки зрения, которая постепенно вытягивается в линию, связующую Небо и Землю, и образует плоскость, а затем и пространство собеседования души с Высшим Разумом. Особое внимание уделяется психологическому смыслу Учения, его актуальности для каждого — независимо от его вероисповедания, жизнепонимания, убеждений.

Дмитрий Владимирович Щедровицкий

Сдвинутый светильник
Переосмысление ключевых
евангельских событий

Редакторы А.Г. Яковлев, И.В. Серегина
Оформление обложки и верстка Д.Р. Дименштейн
Набор Л.А. Именитов, Л.С. Лариков

Подписано в печать 13.07.2021.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная.
Гарнитуры Yefimov Serif, Yefimov Sans.
Усл. печ. л. 9.

Издательство «Теревинф»
для переписки: 119002, Москва, а/я 9
телефон: (495) 585 0 587
эл. почта: zakaz@terevinf.ru
сайт: terevinf.ru
интернет-магазин: terevinf.com
соцсети: facebook.com/terevinf,
vk.com/terevinf, instagram.com/terevinf